

НОВЫЯ КНИГИ.

Путешествіе на Амуръ, совершенное по распоряженію Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, въ 1855 году *Р. Маакомъ*. Одинъ томъ, съ портретомъ графа Муравьева-Амурскаго и съ отдѣльнымъ собраніемъ рисунковъ, картъ и плановъ. Изданіе члена-соревнователя Сибирскаго отдѣла С. Ф. Соловьева. Спб. 1859.

Статей, написанныхъ объ Амурѣ въ послѣдніе два года, такъ много, что изъ перечня ихъ могла бы пожалуй составиться даже особенная отрасль русской библиографической науки. Но при всемъ томъ мы до сихъ поръ не знаемъ объ Амурѣ ничего положительнаго. Съ самаго начала, когда Амуръ только-что сталъ входить въ моду, — мы знали положительно одно: что весь лѣвый берегъ Амуре занятъ нами и что мы черезъ это сдѣлали великое пріобрѣтеніе. Но теперь, послѣ множества статей и всякаго рода извѣстій объ Амурѣ, и это первое положительное свѣдѣніе сдѣалось какъ-то сбивчивымъ и неопредѣленнымъ. Съ одной стороны мы слышали и читали, что съ пріобрѣтеніемъ Амуре мы сдѣлались обладателями великолѣпнѣйшей рѣки въ мірѣ, что посредствомъ Амуре суждено намъ сдѣлаться цивилизаторами Китая, и проч. Съ другой стороны, напротивъ, раздавались увѣренія, что мы изъ Амуре не можемъ извлечь ни малѣйшей пользы. Кому вѣрить, — невозможно было рѣшить, потому что и заступники, и противники Амуре представляли, въ подтвержденіе своихъ словъ, факты. Одни говорили, что плаваніе по Амуру лучше, чѣмъ по Миссисипи,

что тамъ давно уже устроены русскими правильныя сообщенія, что народъ туда переселяется густыми массами, что тамъ все даютъ чуть не даромъ, и проч. Другіе, напротивъ, стали увѣрять, что ничего подобнаго на Амурѣ нѣтъ и быть не можетъ, что тамъ все дорого, ничего не устроено и т. д. Повѣрять слова тѣхъ и другихъ было чрезвычайно затруднительно, потому что повѣрка должна была происходить на мѣстѣ; а между тѣмъ, пока статья, напечатанная въ Петербургѣ появится на Амурѣ, и пока отвѣтъ на нее оттуда дойдетъ до Петербурга и напечатается, проходило обыкновенно полгода, а иногда и больше. А въ это время къ одному неосновательному извѣстію прибавлялось уже нѣсколько другихъ, и чуть ли не составлялась на ихъ основаніи цѣлая система разсужденій о жизни на Амурѣ.

Такое положеніе нашихъ свѣдѣній объ Амурѣ продолжается до сихъ поръ. Поэтому мы съ особеннымъ нетерпѣніемъ ожидали изданія путешествія г. Маака. Г. Маакъ совершилъ экспедицію на Амуръ, въ 1855 г., по порученію Сибирскаго отдѣла Русскаго Географическаго Общества, на издѣніе члена-соревнователя Сибирскаго отдѣла С. Ф. Соловьева, пожертвовавшего на этотъ предметъ полпуда золота. На его же счетъ издано и описаніе путешествія г. Маака, о типографскомъ изяществѣ котораго было уже замѣчено въ «Современникѣ» мѣсяцъ тому назадъ. Изданіе украшено прекраснымъ сдѣланнымъ портретомъ графа Муравьева-Амурскаго; кромѣ того, къ нему принадлежитъ цѣлый альбомъ великолѣпныхъ рисунковъ, картъ и плановъ. Въ этомъ альбомѣ находится: 17 ландшафтовъ и этнографическихъ рисунковъ, шесть таблицъ, въ которыхъ заключаются изображенія разныхъ предметовъ, относящихся большею частію къ домашнему быту пріамурскихъ народовъ, — десять ботаническихъ таблицъ, геогностическая карта береговъ Амура, карта распространенія древесныхъ и кустарныхъ растений на берегахъ этой рѣки, планъ Айгуна и планъ Албазинскаго укрѣпленія. Всѣ рисунки исполнены превосходно; они большею частію рисованы первоначально самимъ же г. Маакомъ, а потомъ перерисованы въ Петербургѣ художникомъ г. Гуномъ; нѣкоторая же часть рисунковъ взята изъ портфеля г. Мейера, также посѣщавшаго Амурскій край, или срисована петербургскими художниками съ предметовъ, привезенныхъ г. Маакомъ.

Какъ видно, г. Соловьевымъ все сдѣлано для изящества и великолѣпія изданія, равно какъ и г. Маакомъ употреблены всѣ усилія для того, чтобы собрать сколько возможно болѣе точныя, полезныя и разнообразныя свѣдѣнія. Отчетъ его о своемъ путешествіи занимаетъ 320 страницъ въ четвертку; онъ идетъ день за день, испол-

ненъ ученыхъ цитатъ, сообщаетъ весьма точныя описанія мѣстностей, растеній, ископаемыхъ, — вездѣ съ латинскими названіями, очень обстоятельно описываетъ одежду, домашнюю утварь, рыболовные и звѣроловные снаряды и т. п. приамурскихъ народовъ, дѣлаетъ даже филологическія и историческія соображенія. Не довольствуясь этимъ, г. Маакъ приложилъ къ своему отчету особенныя статьи: 1) геогностическія изслѣдованія; 2) обзоръ кустарныхъ и древесныхъ растеній; 3) обзоръ животныхъ. Въ этихъ статьяхъ естественно-историческія свѣдѣнія представлены въ систематическомъ порядкѣ и въ ученой обработкѣ, подъ руководствомъ академиковъ Брандта, Рупрехта, гг. Максимовича, Менетріе, Бремера и Герстфельда. Въ концѣ же книги г. Маака находимъ тунгусскій лексиконъ, который составленъ г. Шифнеромъ изъ матеріаловъ, собранныхъ г. Маакомъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что дѣятельность г. Маака была чрезвычайно обширна и многостороння, за что и нельзя не отдать ему должной справедливости.

И при всемъ томъ, послѣ книги г. Маака наши свѣдѣнія объ Амурѣ не сдѣлались особенно блестящими. Причиною этого надо считать неблагопріятныя обстоятельства, помѣшавшія полной успѣшности работъ экспедиціи, въ которой находился г. Маакъ. Объ этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ самъ г. Маакъ, въ предисловіи къ своей книгѣ, говоритъ слѣдующее:

«Всего болѣе мѣшало намъ то, что мы ѣхали чрезвычайно быстро, останавливаясь рѣдко, и то на короткое время. Особенно успѣшно было путешествіе наше при плаваніи внизъ по Амуру. Чтобы дать понятіе объ этой успѣшности и о томъ, какъ она должна была препятствовать нашимъ ученымъ дѣйствіямъ, достаточно указать на одно обстоятельство, подробно изложенное въ историческомъ отчетѣ: спускаясь по Амуру, мы проѣхали всю ту часть его теченія, которая прорѣзываетъ хинганскій хребетъ, менѣе, чѣмъ въ сутки; а между тѣмъ эта часть Амура имѣетъ болѣе 100 верстъ длины и берега ея представляютъ одно изъ самыхъ интересныхъ для путешественника мѣстъ во всемъ Амурскомъ краѣ. Конечно, на возвратномъ пути мы ѣхали не такъ быстро; но тогда уже время года не благопріятствовало ученымъ дѣйствіямъ и, сверхъ того, самое путешествіе было сопряжено съ такими трудностями, что работы, имѣвшія цѣлью одно только передвиженіе экспедиціи, поглощали почти все наше время.»

Но отчего же экспедиція мчалась такъ быстро? Въдѣ она снаряжена была совершенно самостоятельно, Сибирскимъ отдѣломъ Географическаго Общества, на иждивеніе г. Соловьева. Что же могло заставить ее такъ торопиться, вопреки всѣмъ ея существеннымъ надобностямъ? На это г. Маакъ не даетъ положительнаго отвѣта, и

читатель долженъ довольствоваться слѣдующими строками, въ которыхъ указывается новое препятствіе для успѣховъ экспедиціи, но все-таки не объясняется его причина.

«Много также мѣшало ученымъ работамъ экспедиціи то обстоятельство, что мы проѣхали большое пространство, и притомъ въ самое благопріятное для такихъ работъ время, не будучи совершенно независимыми въ нашихъ дѣйствіяхъ; въ продолженіе всего почти іюня 1855 г., мы ѣхали вмѣстѣ съ военнымъ отрядомъ, спускавшимся къ Маринскому посту, и, составляя какъ бы часть этого отряда, должны были во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ сообразоваться съ его движеніями. Понятно, что, при такомъ положеніи вещей, интересы науки всякій разъ, когда имъ приходилось сталкиваться съ военными соображеніями, должны были уступать.»

Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, книга г. Маака, по его собственнымъ словамъ, «не заключаетъ въ себѣ даже почти никакихъ общихъ выводовъ». Авторъ излагалъ свои наблюденія въ хронологическомъ порядкѣ, но «по недостаточности матеріаловъ, не рѣшался группировать факты и высказывать какія либо соображенія о ихъ взаимной связи и значеніи». Такимъ образомъ г. Маакъ самъ признаетъ свою книгу полезною лишь въ видѣ матеріала для будущихъ путешественниковъ на Амуръ и изслѣдователей этого края. Что же касается до читающей публики, то она и книгою г. Маака далеко не избавлена еще отъ возможности кривыхъ толковъ и неосновательныхъ выводовъ объ Амурѣ. Въ особенности должно это сказать въ отношеніи къ вопросамъ промышленнымъ и торговымъ, которыхъ г. Маакъ почти вовсе не касается, занятый преимущественно естественно-историческими изслѣдованіями и наблюденіями этнографическими.

Само собою разумѣется, что путешествуя въ 1855 году, г. Маакъ не могъ описывать всѣхъ прелестей и совершенствъ, недавно открытыхъ на Амурѣ нашими газетами и журналами. Все дивное устройство Амурскаго края произошло уже гораздо послѣ, преимущественно въ прошломъ году. Въ числѣ панегиристовъ Амура особенно отличался г. Д. Романовъ, въ статьяхъ своихъ, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и въ «Русскомъ Словѣ». Отъ статей въ «Русскомъ Словѣ» онъ недавно, впрочемъ, отказался печатно, говоря, что онѣ напечатаны въ искаженномъ видѣ. Но свои письма въ «Русскомъ Вѣстникѣ», онъ не только не отвергалъ, а даже защищалъ въ «Спб. Вѣдомостяхъ» противъ возраженій. Возраженія эти принадлежатъ г. Д. Завалишину, который въ теченіе вотъ уже двухъ лѣтъ выбивается изъ силъ, занимаясь разрушеніемъ наивныхъ восторговъ отъ Амура. Свѣдѣнія, представленныя г. Завалишинымъ, до сихъ

поръ не встрѣтили серьезнаго, фактическаго опроверженія, хотя нѣкоторыя изъ его статей напечатаны уже очень давно. Первые возраженія его г. Романову помѣщены были въ «Морскомъ Сборникѣ» 1858 г. № XI. За тѣмъ были статьи въ 1859 г., въ №№ V и VII «Морскаго Сборника», и наконецъ большая статья, составляющая начало цѣлаго ряда статей, въ № X «Вѣстника Промышленности», подъ названіемъ «Амуръ». Первой статьѣ г. Завалишинъ далъ еще специальное заглавіе: «Кого обманываютъ и кто окончательно остается обманутымъ?» Во всѣхъ этихъ статьяхъ могутъ быть своего рода ошибки и недосмотры, но изъ нихъ оказывается несомнѣннымъ одно: что восторги, возбужденные Амуромъ, преждевременны и преувеличены. И не потому нельзя ихъ считать основательными, чтобы въ самомъ дѣлѣ естественныя условія края были дурны; вовсе нѣтъ: что они хороши или могутъ быть хороши, — въ этомъ всѣ соглашались. Но невозможно вѣрить панегиристамъ потому, что, вопреки ихъ увѣреній, этими естественными условіями до сихъ поръ еще мы почти не пользовались и очень немного сдѣлали для того, чтобы хорошо ими воспользоваться впоследствии. Относительно этого предмета г. Завалишинъ говоритъ въ статьѣ «Морскаго Сборника», отмѣчая свои слова даже курсивомъ, для большей рельефности:

«Мы всегда считали, что собственно занятіе Амура было дѣломъ степеннымъ, не представлявшимъ ни малѣйшаго затрудненія (кромя тѣхъ, которыя сами создадимъ), и всегда вполне зависящимъ, при известныхъ вѣшнихъ обстоятельствахъ, чисто отъ воли правительства, — да и не отъ приказанія даже его, а просто отъ дозволенія, — а что существенное дѣло именно и состояло въ предварительномъ подготовленіи тѣхъ условій, которыя одни могли сдѣлать занятіе полезнымъ и безъ которыхъ оно легко можетъ обратиться даже во вредъ, — не только здѣшнему краю, но и государству» («Мор. Сб.» 1859 г. № VII, стр. 39).

Затѣмъ г. Завалишинъ приводитъ множество фактовъ, доказывающихъ, что этого подготовленія до сихъ поръ на Амурѣ не было и нѣтъ. Статьи г. Завалишина очень растянуты, наполнены повтореніями однихъ и тѣхъ же фактовъ, безпрестанными восклицаніями и обращеніями. Но факты, излагаемые въ нихъ, сами по себѣ очень любопытны, и дѣлаются двойнѣ интересными по сравненію съ тѣмъ, что писали объ Амурѣ гг. Романовъ, Назимовъ, корреспонденты «Сиб. Вѣдомостей», «Иркутскихъ Вѣдомостей», и пр. Мы приведемъ нѣкоторые изъ этихъ фактовъ.

Амуръ прежде всего, разумѣется, обращаетъ на себя вниманіе, и въ свое время, прекрасное средство сообщенія. И вотъ являются

статьи, въ которыхъ восхваляется сообщеніе по Амуру. Г. Романовъ сообщилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», что американцы восхищаются плаваніемъ по Амуру и находятъ его несравненно-удобнѣйшимъ, чѣмъ по Миссисипи, потому что въ Амурѣ нѣтъ подводныхъ камней и карчей, которыми наполнено русло Миссисипи. Г. Назимовъ напечаталъ, что еще въ 1857 г. началось правильное лѣтнее сообщеніе по Амуру и что съ будущаго года число пароходовъ удвоится. Мы, разумѣется, всему этому вѣрили. Но вдругъ является г. Завалишинъ и съ крайнимъ скептицизмомъ говоритъ въ одной статьѣ: «всякая рѣка, страна, какія бы онѣ ни были, все это сами по себѣ (откидывая, разумѣется, крайности) большею частію безразличныя вещи, и будутъ всегда преимущественно тѣмъ, что сѣмѣютъ изъ нихъ сдѣлать.... Вѣдь была же Миссисипи слишкомъ 200 лѣтъ въ рукахъ французовъ и испанцевъ; а что они изъ нея сдѣлали, несмотря на всѣ природныя ея преимущества?» Къ чему же говорить это г. Завалишинъ? Да все къ тому же, чтобы доказать свою мысль, что Амуръ самъ по себѣ — ничего, и что сдѣлано на немъ — очень мало. Въ подтвержденіе своихъ словъ г. Завалишинъ приводитъ и факты. Онъ говоритъ: здѣсь построены были пароходы «Аргунь» и «Шилка»; «Аргунь» отправилась въ 1854 г. и не возвращалась, оказавшись неспособною идти противъ теченія; «Шилка», отправясь въ 1855 году осенью, недалеко отъ Шилкинскаго завода стала на мель и замерзла; въ 1856 г. спущена на устье Амура; но попытка идти противъ теченія и ей не удалась. Кромѣ этихъ двухъ, ходилъ по Амуру пароходъ «Надежда»; но и онъ, по тѣснотѣ помѣщенія и по глубокой осадкѣ, оказался неудобнымъ и послѣ 1855 г., когда на немъ поднимался вверхъ по Амуру графъ Путятинъ, — не доходилъ болѣе до Усть-Зей. Затѣмъ оставались два парохода, полученные изъ Америки: «Лена» и «Амуръ». Но Лена въ 1857 г. совершила только одинъ рейсъ, и то въ одну только сторону, во всю навигацію; она поднялась до Шилкинскаго завода, да тамъ и зазимовала. Г. Назимовъ восхищался быстротою сообщенія, высчитавъ, что «Лена» совершила въ 30 дней 3,000 верстъ; но оказалось, что верстъ было не 3,000, а съ небольшимъ двѣ, и дней не 30, а болѣе; оказалось также, что на «Ленѣ» ѣхалъ генералъ-губернаторъ, который не доѣхалъ на пароходѣ до конца, а бросилъ его. «Слѣдовательно была причина, говорить г. Завалишинъ, — что онъ бросилъ пароходъ? Что же ожидать тогда частному лицу? А мы всегда говорили, что не можемъ принимать въ счетъ проѣздовъ какого нибудь значительнаго лица или чрезвычайнаго нарочнаго, для которыхъ дѣлаются особенныя напращиванія, а правильное сообщеніе и возможность сообщенія принимаемъ только тогда, когда они существуютъ для всѣхъ и каждаго»

(Мор. Сб. № 5, стр. 16). А этого-то именно и не находить на Амурѣ г. Завалишинъ. Въ 1858 г. «Лена», по его словамъ въ другой статьѣ (Мор. Сбор. № 7), плавала столь же неудачно: отправясь изъ Шилкинскаго завода, весною 1858 г., стала на мель, не доходя до Зеи, повредилась, дотащила до Зеи, послѣ исправленія медленно поднялась до Стрѣлки, опять спустилась до Зеи, и опять кое-какъ, послѣ неуспѣшнаго плаванія, безпрестанно становясь на мель, дошла въ началѣ августа до Срѣтенска, гдѣ и осталась на зиму. Остается послѣдній пароходъ «Амуръ»: этотъ въ 1858 г. дошелъ разъ до Усть-Зеи, а возвращаясь назадъ, сталъ на мель, да тутъ и замерзъ. По этому поводу было напечатано, что «Амуръ» *зимовалъ* здѣсь; г. Завалишинъ замѣчаетъ, что это напоминаетъ *зимнія квартиры* Наполеона въ Россіи. Въ 1858 г. «Амуръ» три раза доходилъ до Усть-Зеи, — и то въ послѣдніе два раза уже не вплоть, чтобы не попасть на мель, какъ въ первый разъ. Что же касается до увеличенія числа пароходовъ на Амурѣ, это было простое предположеніе, которое наши наивные публицисты не усомнились выдать за дѣло уже рѣшенное и осуществленное.... Въ 1858 г. сообщенія по Амуру производились опять-таки тѣми же единственными «Леною» и «Амуромъ».

Но изобрѣтеніемъ небывалыхъ пароходовъ не ограничилось усердіе добрыхъ людей, прославлявшихъ наши успѣхи на Амурѣ. Увѣряли (г. Романовъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ»), что уже и непрерывныя почтовые сообщенія устроены—лѣтомъ на лодкахъ, зимою на тройкахъ съ колокольчиками. При этомъ г. Романовъ съ такою же гордостью, съ какою недавно «Русскій Вѣстникъ» возвыщалъ, что «русскій народъ благодушенъ и вѣренъ» (см. Р. В. 1859 г. № 20),—прибавлялъ: «ни одно государство въ свѣтѣ не можетъ еще *похвастаться* (какъ они дорожатъ *хвастаньемъ*!!) непрерывнымъ сухопутнымъ путемъ отъ морей одной части свѣта въ другую». А у насъ, говоритъ, съ нынѣшней осени (1858 г.) начинается такое сообщеніе: «вы можете взять себѣ подорожную изъ всякаго уѣзднаго города до Николаевска, садитесь въ кибитку, и нигдѣ васъ не потревожатъ верховою или собачьею ѣздою до самаго восточнаго океана». Дѣйствительно, очень заманчиво; но г. Завалишинъ увѣряетъ, что и это вздоръ. Онъ приводитъ вотъ какіе факты, за 1858 годъ. Письмо изъ Николаевска отъ 15 іюля получено въ Читѣ 1 ноября. Отправившійся изъ Николаевска въ началѣ августа штабъ-офицеръ доѣхалъ до Читы 14 ноября. Съ тѣхъ поръ были курьеры и пассажиры, доѣхавшіе на послѣднемъ пароходѣ до Благовѣщенска; но почты по Амуру изъ Николаевска не слыхали и ничего не получали; а слышали, что было двѣ почты *черезъ Аянъ*. Даже изъ Благовѣщенска (т. е. Усть-Зеи) письмо отъ 2 августа получено въ Читѣ 20 сен-

тября. Была ли еще разъ почта, — не могли дознаться; но что въ послѣдніе мѣсяцы не было почты даже изъ Благовѣщенска, въ томъ удостовѣряетъ, по словамъ г. Завалишина, посланный нарочно адъютантъ, чтобы узнать, отчего нѣтъ почты. На лодкахъ люди, имѣющіе всѣ средства, отправясь немедленно по вскрытіи рѣки изъ Маріинска, прибыли въ Читу 30 іюля. Осенью курьеры проѣзжали отъ Благовѣщенска до Читы не менѣе, какъ въ мѣсяцъ. Столько же времени ѣдутъ и зимнимъ путемъ, даже по казенной надобности. Впрочемъ г. Завалишинъ увѣряетъ, что вообще лошадей здѣсь обязательно предписано давать *только* курьерамъ; прочіе должны дѣлаться, какъ знаютъ. Къ этому онъ прибавляетъ, что по Шилкѣ нѣтъ проѣзда, а что отъ Стрѣлки должны сворачивать по Аргуни, по стародавнимъ станицамъ. Послѣдніе отряды козаковъ, бывшихъ въ нарядѣ на сплавѣ, вмѣсто исхода августа и сентября, какъ рассчитывали, выходили только въ декабрѣ (см. «Мор. Сборн.» № 7, и «Вѣст. Пром.» № 10).

Факты такого рода не могутъ, конечно, свидѣтельствовать въ пользу непрерывныхъ сообщений и правильныхъ почтъ въ пріамурскомъ краѣ, вплоть до Николаевского порта. И если увѣренія г. Завалишина справедливы (а они никѣмъ не опровергнуты), то мы вполне понимаемъ его сожалѣніе о тѣхъ бѣднѣяхъ, которые будучи обнадежены увѣреніями панегиристовъ, вздумаютъ отправиться въ пріятное путешествіе по Амурскому краю и разочтутъ свое время и издержки по возгласамъ восторженныхъ публицистовъ.

Впрочемъ, несмотря на полное довольство всѣмъ сдѣланнымъ, самъ г. Романовъ признаетъ полезнымъ устроить желѣзную дорогу отъ залива де-Кастри до Джая, потому особенно, что 300 верстъ отъ устья теченіе Амура представляетъ большія трудности для плаванія... Американецъ Коллинсъ представилъ проектъ другой желѣзной дороги — отъ Читы до устья Селенги, гдѣ уже предполагалось построить *Новый Аспинваль*. Само собою разумѣется, что сначала оба предложенія привѣтствованы были съ восторгомъ. Но г. Завалишинъ напомнилъ о перегрузкахъ, распутицахъ и проч., и вообще наскзалъ столько неудобствъ Коллинсу, что тотъ измѣнилъ свой проектъ. Но какое движеніе имѣлъ онъ потомъ, — неизвѣстно. Что же касается до г. Романова, то ему г. Завалишинъ ставитъ на видъ слѣдующія обстоятельства. Г. Романовъ хотѣлъ заказывать желѣзо на Петровскомъ заводѣ и сплавлять по Амуру; но для желѣзной дороги нужно нѣсколько сотъ тысячъ пудъ, а Петровский заводъ выдѣлываетъ всего до 30,000 п. въ годъ, да и то желѣзо незавиднаго качества и дорого: цѣны самому дурному сорту петровскаго желѣза *въ Читѣ* — 1 р. 60 к., а это — починный пунктъ сплава. Говорятъ, что на Петров-

скомъ заводѣ изготовлялись рельсы для дороги на золотые прииски въ Нерчинскихъ заводахъ и обошлись въ 4 р. с. за пудъ. Да кромѣ того, надо для дороги и работниковъ, и для нихъ хлѣбъ. А взята этого всего—негдѣ рѣшительно. Самый сплавъ производить некому: сплавъ самый дешевый, по подряду купцовъ Зимина и Серебряникова, былъ 50 коп. съ пуда, и хотя цѣну эту находили недешевою, но въ слѣдующемъ году и за такую плату не могли найти вольныхъ подрядчиковъ и принуждены на 1858 г. возложить сплавъ на козаке войско за ту же цѣну. Но слухи о тягостяхъ и бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ при этомъ рабочими, произвели то, что козаки, назначенные по наряду на сплавъ, платили отъ себя наемщикамъ до 40 коп. за одну сплавку, отдавая сверхъ того все, что приходилось получать отъ казны. Вслѣдствіе того, на 1859 годъ производили сплавъ казенными рабочими, употребивъ въ дѣло даже каторжныхъ. А чтобы достать людей, сама казна прибѣгала, по словамъ г. Завалишина, къ различнымъ изворотамъ.

«Такъ, въ 1857 г. придрались къ недоимкамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя произошли вовсе не отъ вины козаковъ, а отъ собственного недоразумѣнія начальства, не знавшаго, какъ истолковать двухлѣтнюю льготу отъ повинностей выселеннымъ изъ Читы козакамъ, и включить въ нее денежный сборъ, остановленный въ 1851 г.; какъ вдругъ, въ 1857 г. велѣно было не считать его включеннымъ въ льготу, и потребовали, сверхъ текущихъ повинностей, за два старые прежніе года. Я лично знаю одного козака, которому, съ тремя малолѣтними, пришлось заплатить за четыре души за два года вдругъ, кромѣ настоящаго, и у котораго взяли послѣдняго работника, единственного въ семьѣ изъ шести душъ. Если, слѣдовательно, при 50-ти копѣчной платѣ, надо прибѣгать къ такимъ средствамъ, то можно посудить, что будетъ стоить действительно сплавъ съ пуда въ операціи, гдѣ за все надо будетъ платить по вольнымъ цѣнамъ.... Для полноты разсчета, надо прибавить, что и въ 1857 и въ 1858 годахъ, многіе козаки, со времени наряда на работы по сплаву, возвратились домой черезъ девять мѣсяцевъ; кромѣ того, въ 1858 году было много больныхъ». (Вѣст. Пром. № 10, стр. 55).

Если бы казна и даромъ получала работу,—то, по замѣчанію г. Завалишина, это еще не могло бы служить основаніемъ для разсчетовъ въ частномъ предпріятіи. Въ казенномъ дѣлѣ могутъ быть обстоятельства и случаи, которые совершенно не должны входить въ кругъ промышленныхъ выгодъ, хотя сами по себѣ эти обстоятельства и имѣютъ, можетъ быть, свою долю вліянія на ходъ торговыхъ и промышленныхъ операцій. Для примѣра г. Завалишинъ разсказываетъ такой случай, въ одной изъ мѣстностей Амурскаго края.

«Намъ извѣстенъ случай (а мы говоримъ только о такихъ, которые не остались безызвѣстны и начальству),—что люди, назначенные выво-

зять только лѣсъ, рубленный подъ надзоромъ офицера совѣмъ другими, потеряли 15 дней при сдачѣ этому самому офицеру, браковавшему у нихъ лѣсъ, который они не рубили, заставлявшему вырубить новый и кончившему приѣмкою забракованнаго» (Вѣст. Пром. № 10, стр. 54).

Подобные случаи, повторяющіеся, какъ извѣстно, во многихъ мѣстахъ Россійской имперіи, вообще весьма невыгодно дѣйствуютъ на экономическое развитіе страны. Немудрено, что и на Амурѣ они производятъ то же дѣйствіе, уничтожая такимъ образомъ всѣ чудеса прогресса, торопливо провозглашеннаго опрометчивыми публицистами... Размышляя о подобныхъ случаяхъ, мы можемъ даже до нѣкоторой степени опредѣлить и причину такой опрометчивости публицистовъ нашихъ: они взглянули на дѣло очень абстрактно, — взяли въ расчетъ самую страну съ ея производительными силами, но не приняли въ соображеніе всей обстановки дѣла, — то есть людей и нравовъ, для которыхъ эта страна открываетъ новое поприще...

Но возвратимся къ желѣзной дорогѣ, проектированной г. Романовымъ.

По расчету г. Романова, нужно 5000 рабочихъ для желѣзной дороги, и онъ рассчитываетъ въ этомъ случаѣ на мѣстные батальоны. Но по словамъ г. Завалишина, линейныхъ батальоновъ отъ Кяхты до Николаевска всего 4, и изъ нихъ нельзя набрать 5000 рабочихъ. Что же касается до козаковъ, то брать ихъ на работу не годится уже и потому, что они занимаются хлѣбопашествомъ, и «всякій взятый изъ нихъ работникъ уменьшитъ на нѣсколько десятинъ производящую хлѣбъ пашню». И безъ того уже разныя служебныя и неслужебныя требованія разстроили у козаковъ хозяйство въ Нерчинскомъ краѣ, главнымъ для продовольствія Амура. Обстоятельства эти произвели то, что пашня должна была уменьшиться на нѣсколько тысячъ десятинъ; а между тѣмъ требованія казны на хлѣбъ увеличились, вслѣдствіе передвиженія войска въ Забайкальскій край... Еще въ 1852 г. представленъ былъ officialный расчетъ, что каждый взрослый человекъ долженъ обрабатывать шесть десятинъ, чтобы могли быть удовлетворены обыкновенныя требованія на хлѣбъ въ здѣшнемъ краѣ. А тутъ еще безпрестанно наряжаютъ козаковъ-хлѣбопашцевъ на работы, которыя, равно какъ и требованіе на продовольствіе, все увеличиваются съ приобрѣтеніемъ Амура. Естественно, что при такихъ условіяхъ отнятіе 5000 человекъ отъ пашни будетъ довольно чувствительно для края, и г. Завалишинъ увѣряетъ даже, что самимъ этимъ работникамъ нечего ѣсть будетъ: негдѣ будетъ достать 120,000 пудъ муки, которые, по его вычисленію, нужны для 5000 работниковъ. Хлѣбъ и то уже прошлую зиму былъ въ Читѣ 80—90 копѣекъ, а провозъ отъ Верхнеудинска до

Читы (436 верстѣ) былъ рубль серебромъ... («Мор. Сбор.» №5) А г. Романовъ возвѣстилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», что «благодаря новому пути, даже въ Петропавловскѣ мука продается, вмѣсто прежнихъ трехъ рублей, по 99 копѣекъ!...

Объяснивши всѣ удобства путей сообщенія въ Амурскомъ краѣ, панагиристы, разумѣется, рѣшили, что черезъ Амуръ должна происходить иностранная торговля Сибири. А рѣшивши это, они немедленно пришли въ умиленіе отъ ея широкаго развитія. «Взглянуть на зараждающуюся иностранную торговлю Сибири, — такъ просто сердце радуется», — восклицаетъ г. Романовъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». «1857-й годъ былъ, можно сказать, первымъ годомъ правильной торговли и начала торговаго пароходства по Амуру, и въ этотъ первый годъ цѣнность всѣхъ грузовъ, передвигавшихся по Амуру, простиралась до 1,000,000 р. сер. Что же будетъ далѣе при такомъ богатомъ началѣ? И теперь уже жители Иркутска пьютъ кофе съ здѣшнимъ сахаромъ, курятъ сигары, привезенныя черезъ Николаевскъ изъ Маниллы и Гаванны, изъ Якутска дѣлаютъ заказы винъ здѣшнимъ американскимъ торговцамъ, и т. д. Не чудачи ли тѣ люди, которые утверждаютъ, что Амуръ вздоръ и что, кромѣ обремененія издержками, онъ Россіи ничего не принесетъ полезнаго?»... Къ этому прибавлялись извѣстія объ 11 судахъ, бывшихъ уже въ маѣ въ Николаевскѣ, о сахарѣ, доставленномъ по Амуру и продававшемся по 7 р. 50 к. за пудъ въ Иркутскѣ, и пр. Тутъ же, разумѣется, изъяснялись благія желанія, чтобы частная предприимчивость взялась за дѣло, и раскрывались разныя надежды и ожиданія....

Все это встрѣчаемо было съ великимъ сочувствіемъ большею частью людей, привыкшихъ видѣть въ розовомъ свѣтѣ и будущность, и все, что совершается въ настоящее время, когда и пр.... Но вотъ нѣсколько общихъ соображеній, представленныхъ по этому предмету г. Завалишинымъ въ «Морскомъ Сборникѣ» (№ 7, стр. 48—50).

«Часто, чуть не безпрестанно, дѣлаютъ у насъ упрекъ частной дѣятельности, въ недостаткѣ предприимчивости.... «Полно такъ ли? Это даетъ поводъ взглянуть въ это дѣло попристальнѣе. Будете упреки, что когда какое либо явленіе доходитъ до степени общности, то причины его заключаются уже не въ однихъ только людяхъ. Видѣть, гдѣ массы подвергаются незаконнымъ требованіямъ со стороны казны, они вымещаютъ это на частныхъ лицахъ. Тогда за всякую частную дѣятельность становится невозможною; мѣсто ея занимаетъ незаконная, что въ свою очередь опять отражается на казнѣ. Такого-то образомъ, въ этомъ круговоротѣ все сдвигается съ принадлежащаго ему законнаго и выгоднѣйшаго мѣста; всякое правильное движеніе становится невозможнымъ; и вмѣсто его, къ общей невыгодѣ и прѣдѣлу силъ, являются безпорядокъ и случайность; предприимчивость же

можетъ существовать только тамъ, гдѣ есть прочное, разумное основаніе для разсчета и соображеній въ постоянныхъ элементахъ и стро-гомъ законномъ огражденіи частной дѣятельности. Великое было бы конечно дѣло, добиться отъ массъ (и въ этомъ-то и будетъ великая за-слуга, несомнѣнно ожидаемая отъ образованія) сознанія справедливости законныхъ требованій; но никакими усилиями, никакими софизмами не добьются никогда спокойнаго подчиненія незаконнымъ требованіямъ, безъ того, чтобъ человѣкъ не искалъ въ свою очередь вознаградить себя за это на счетъ другаго, да такъ еще, чтобъ урвать при случаѣ и на запасъ. И вотъ начинается между большинствомъ круговая порука насилій и обмановъ; бѣда тому только, кто руководствуется иными пра-вилами; онъ будетъ непремѣнно смолотъ между двумя жерновами.

«Возьмемъ примѣръ: человѣкъ подряжается у казны строить домъ. Что по настоящему онъ долженъ принять въ соображеніе? Цѣнность ма-теріала, работы, продолжительность затраты капитала, разумные про-центы. Все производство обезпечилъ онъ, повидимому, требуемыми за-кономъ документами; но едва прикоснулся къ дѣлу, какъ и начинаются всевозможныя трибунаціи. Работники не явились во время; отговари-ваются, что ихъ гоняли туда-то, и туда; вмѣсто ихъ, на-скоро нани-маются другіе, дороже. Матеріаль не доставляется — потерялъ-де лоша-дей, на такомъ-то нарядѣ; вмѣсто онаго покупается или самимъ по-дрядчикомъ, или, въ счетъ его, другой матеріаль; часто вся работа останавливается. Подрядчику конечно предоставляется взыскивать съ виновныхъ, съ ихъ поручителей. Но когда еще онъ добьется до удо-влетворенія? Иногда проходить года... Да это требуетъ и расходовъ и досуга, а между тѣмъ время идетъ. Иногда кончается тѣмъ, что работа передается другому, и первый подрядчикъ терпитъ убытокъ. Впередъ наука, говорить онъ: — и при слѣдующемъ подрядѣ, непремѣнно при-метъ все это въ разсчетъ: и лишнюю на запасъ заготовку матеріала, и заподряженіе лишнихъ людей, и другіе извѣстные расходы, и заломить цѣну вдвое; или, если съумѣетъ поставить силу на своей сторонѣ, самъ прижметъ рабочихъ, второстепенныхъ поставщиковъ; поставить поху-же матеріаль, выгадывая на всемъ этомъ... Теперь возьмемъ другой при-мѣръ: если казна беретъ у хлѣбопашца муку не по надлежащей цѣнѣ, онъ постарается непремѣнно уменьшить убытокъ дурнымъ качествомъ ея, подмѣсю; если будетъ затрудненіе при сдачѣ — будетъ выгода развѣ приѣмщику, а провіантъ все-таки поступитъ дурной; и это неми-нуемо отразится на тѣхъ, кто долженъ будетъ волею и неволею упо-треблять его, и выразится болѣзнями и нерѣдко смертностію.»

Исходя изъ подобныхъ соображеній, г. Завалишинъ не согла-шается съ г. Романовымъ въ томъ, что *«край развернется быстро, если будетъ идти такъ же, какъ въ настоящее время»*, и что нужно только дать туда *денегъ и людей*. Напротивъ, онъ приводитъ факты, по которымъ видно, что край вовсе не такъ хорошо устроился, какъ увѣряютъ, и что денегъ и людей много потрачено, — и все понапрасну. Показанія г. Завалишина говорятъ слѣдующее: вмѣсто *одиннадцати*

иностранныхъ судовъ въ маѣ, оказалось по сентябрь всего пять, и то ничтожнаго количества тоннъ. Сахаръ не только въ Иркутскѣ не продавался по 7 р. 50 к., но и въ Благовѣщенскѣ стоилъ 14 рублей, а на устьи Амура—по 9 р., такъ что провозъ отъ устья до Благовѣщенска обходится едва ли не дороже, чѣмъ провозъ отъ Нижняго до Кяхты. Изъ этого г. Завалишинъ дѣлаетъ такое сравненіе: «съ одной стороны, сахаръ изъ Россіи, оплатившій или пошлину въ песокъ, или акцизъ въ свекловичъ, привезенный гужомъ за 6 и болѣе тысячъ верстъ, можетъ продаваться въ Иркутскѣ по 14 р., и даже продавался по 12; а съ другой стороны — худшаго качества сахаръ, при водяной доставкѣ моремъ и по великолѣпной, не полагающей препятствій рѣкѣ, не платя ни пошлины, ни акциза, продается въ Благовѣщенскѣ по 14 р.; во сколько же онъ обошелся бы съ доставкою въ Читу и Иркутскъ? А по общему отзыву, эта часть пути — самая трудная, а потому и самая дорогая для проѣзда, тѣмъ болѣе для провоза».... Въ самомъ дѣлѣ, соображеніе это довольно занимательно. Къ сожалѣнію для панегиристовъ Амура, оно не имѣло случая подтвердиться на практикѣ, потому что, по увѣренію г. Завалишина «не только въ Иркутскѣ, но и во всемъ Забайкальи, никогда не было еще, и до сихъ поръ нѣтъ никакихъ капитальныхъ торговъ по Амуру, въ сколько нибудь значительномъ количествѣ» (Вѣст. Пром. № 10, стр. 61). Оттого небывалой дешевизны здѣсь дѣйствительно нѣтъ; все попрежнему выписывается изъ Россіи, и какъ это ни дорого обходится, но все же дешевле, чѣмъ черезъ Амуръ.

Такимъ образомъ оказывается, что привозъ не былъ особенно обильнымъ до сихъ поръ. Остается еще торговля мѣстными произведеніями, особенно вывозъ ихъ за границу. Въдѣ и на это много рассчитывали восторженные поклонники пріобрѣтеннаго нами Амура. Но г. Завалишинъ поражаетъ ихъ и насъ такимъ плачевнымъ замѣчаніемъ: «какой ужъ тутъ отпускъ за границу, если своимъ русскимъ продаютъ сухари по 6 рублей, а свѣжее мясо доходитъ до 12 р. с. за пудъ!» Въ другой статьѣ онъ объясняетъ, что такія цѣны стояли въ зиму съ 1857 на 1858 г., по случаю потопленія казеннаго скота, и что при этомъ продавцы требовали еще отъ покупателей, чтобы тѣ на каждый фунтъ хорошаго мяса брали фунтъ дурнаго.... По такимъ-то расчетамъ и вышла торговля на Амурѣ, цѣбною въ мильонъ.... При такихъ условіяхъ не только намъ отпускать за границу было нечего, но и самимъ-то, пожалуй, выгодно было бы покупать мясо, которое бы привозилось къ устью Амура въ консервахъ изъ Англіи. А къ этому еще г. Завалишинъ прибавляетъ слѣдующія обстоятельства:

«Если мука и крупа приходят сюда подмоченными, сушеная капуста, не тронувшись съ мѣста, оказывается съ червями, масло — съ саломъ, медъ и соль — съ водою, постное масло — вытекшимъ, солонина до отправленія испорченною, — такъ какая тутъ еще будетъ торговля отпускная, когда частный привозъ съ избыткомъ поглощается своими требованиями, какъ свидѣлствуютъ цѣны, показывая въ то же время и дороговизну сплава (которая будетъ еще неминуемо возвышаться), — и что вы при этихъ цѣнахъ будете отпускать за границу? Притомъ, отпущка за границу требуетъ другихъ пріемовъ и привычекъ, нежели обычные у насъ. Голодный все съѣсть; а для заграничнаго торга нельзя рассчитывать на это обстоятельство: нужно нѣчто иное. А кому же неизвѣстны грязность приготовленія и неаккуратность, а иногда и недобросовѣстность нашей торговли?»

Остается торговля съ прибрежными жителями по Амуру, и она также нашла себѣ панегиристовъ. Нѣкто г. Паргачевскій, служившій прикащикомъ у г. Зимина и самъ для себя пріобрѣтавшій соболей въ мѣнѣ съ инородцами, увѣрялъ, что русскіе поступаютъ въ торговлѣ съ инородцами такъ благородно и великодушно, какъ никогда не поступалъ ни одинъ народъ въ мірѣ: никого не обижаютъ, не обманываютъ, пріобрѣтаютъ всеобщее сочувствіе и довѣріе, и пр. Вслѣдствіе всего этого г. Паргачевскій выводитъ между прочимъ, что нужно запретить манчжурамъ продавать водку. Но противъ всѣхъ такихъ увѣреній и требованій г. Завалишинъ возражаетъ вотъ что: (Вѣст. Пром. № 10, стр. 64—65.)

«Во всемъ этомъ нѣтъ правды, и мы не понимаемъ, что за несчастная страсть и манера увѣрять въ невозможномъ и, въ противорѣчіе собственнымъ сужденіямъ и вопреки постоянно повторяющемуся опыту предъ глазами, утверждать, что русскіе поступаютъ иначе, особливо въ приложеніи къ настоящему случаю, видя, какой сортъ людей дѣйствуетъ въ торговыхъ и другихъ предпріятіяхъ по Амуру, гдѣ при томъ и надзоръ, и управа надъ ними почти невозможны. Да, пора бы, право, обратить вниманіе и на то противорѣчіе, что, когда дѣло дойдетъ до подробнаго разбора фактовъ, то все наполнено и частными, и официальными даже признаніями о печальныхъ явленіяхъ по всѣмъ отраслямъ и частной, и общественной дѣятельности, до того, что мы уже хвалимся (а вѣдь все тоже, все прежняя замашка всѣмъ тщеславиться!) тѣмъ, что безоощадно обнажаемъ свои язвы; когда дойдетъ до непосредственнаго приложенія, до того, чтобы имѣть съ кѣмъ нибудь дѣло, то и начальники, и частные люди объявляютъ цѣлыя сословія мошенниками, что, конечно, также несправедливо, какъ и общія похвалы. А лишь коснется до общихъ обзорѣній, до возгласовъ частныхъ и официальныхъ, тотчасъ русскіе являются образцовыми людьми, идеалами безкорыстія, самопожертвованія, исполнительности и проч... Итакъ, относительно утвержденій г. Паргачевского, повторимъ, что, зная, какіе

люди тутъ большею частію дѣйствуютъ, съ разу поймешь, что должно происходить, и что есть вещи и дѣла, которыя невозможно, чтобъ не происходили, что торговля должна идти средствами *per fas et nefas*... А что эти торговля продѣлки не любятъ и тутъ гласности, — доказательствомъ самъ г. Паргачевскій, который, по словамъ бывшаго его хозяина Зимина, не хотѣлъ дать отчета, какими средствами онъ, независимо отъ пріобрѣтенныхъ для хозяевъ, пріобрѣлъ и для себя соборей. Увѣренія, что русскіе вели себя будто бы примѣрно, опровергаются исполнѣмъ предписаніемъ начальства, предъ отправленіемъ въ 1857 году, гдѣ прямо говорится, что дошло до свѣдѣнія его о насиліяхъ и обманѣхъ, что русскіе продавали винтовки и порохъ даже и тогда, когда неизвѣстно было, не употребятъ ли ихъ противъ насъ самихъ. Это не тайна, какъ и то, что торговали и служащіе, которые, какъ неплатящія повинностей и на готовомъ содержаніи, находились, конечно, въ выгодныхъ условіяхъ для торговли, особенно подмѣшивая при томъ нехвощко обмана. Что пріобрѣтенные такимъ образомъ мѣха они могли продавать съ выгодною для себя и съ большою выгодною для купца, особенно, когда продавецъ голоденъ, — это ясно; но вѣдь не такая торговля можетъ имѣть залогъ будущаго развитія. Что касается до желанія, чтобъ запретить манчжурамъ продавать водку, то послѣ всего, что печатается объ откупахъ, очень понимаемъ, что русскимъ хочется имѣть такой выгодный товаръ (кто не знаетъ, какъ вѣренъ расчетъ на слабость инородцевъ къ водкѣ и табаку?) въ своихъ рукахъ; вѣдь, не для своего же употребленія перекупаютъ они сами китайскую водку у манчжурскихъ торговцевъ? Что обманывали фальшивою монетою, оловянными и натертыми ртутью рублями, — это доказываютъ слѣдственные дѣла; относительно же довѣрчивости инородцевъ къ русскимъ и скралости противъ манчжуръ и при нихъ, — это точь-въ-точь, какъ у насъ все простонародье, особенно изъ бурятъ, ни за что не станетъ говорить откровенно при русскихъ чиновникахъ, а про ихъ притѣсненія и ви при комъ, — даже о томъ, что и помимо ихъ сдѣлалось гласнымъ. А развѣ можно при томъ предположить, чтобъ съ пріамурскими инородцами русскіе обращались лучше, чѣмъ со своими?»

Скептическія положенія г. Завалишина, давно уже имъ повторяемыя въ нѣсколькихъ газетахъ и журналахъ, обратили на себя нѣкоторое вниманіе хвалителей нашихъ амурскихъ успѣховъ и вслѣдствіе того, напримѣръ въ Иркутской газетѣ, появились разныя сознанія въ промѣнахъ и исправленія прежде сообщенныхъ извѣстій. Но все это скрашивалось тѣмъ, что, конечно, теперь еще многого нѣтъ, время еще не настало, однако скоро оно настанетъ, и настанетъ непременно, какъ только край станетъ заселяться. «Денегъ и людей!» вопіялъ г. Романовъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». «Надо колонизировать пріамурскій край, изъяснялъ корреспондентъ «Спб. Вѣдомостей» еще въ прошломъ году, — въ большихъ размѣрахъ распространить тутъ русское населеніе, развитъ пароходство и судоходство по

Амуру, т. е. сдѣлать изъ этой рѣки то, къ чему она предназначена самою природою: быть великимъ торговымъ путемъ для Восточной Сибири.... Начало всему этому, заключалъ корреспондентъ, — положено уже въ предыдущіе годы».... Затѣмъ слѣдовали извѣстія, что близъ устья Амура существуетъ ужъ городъ Николаевскъ, что вездѣ строятся козачьи станицы, что много есть ужъ по Амуру зародышей будущихъ городовъ и т. п. Это, по крайней мѣрѣ, было скромно, и потому нельзя было не вѣрить и нельзя было не поддаться нѣкоторымъ надеждамъ. Но неугомонный г. Завалишинъ разрушаетъ и эти надежды. И, что всего горестнѣе, — онъ показываетъ даже *какъ и отчего* эти надежды несбыточны, и показываетъ такъ ясно и просто, что и усомниться трудно. Возьмемъ изъ его статей нѣсколько фактовъ и по этой части, чтобы дополнить характеристику того, что донинѣ дѣлалось и теперь дѣлается на Амурѣ.

Начнемъ съ того, что г. Завалишинъ, вопреки всѣмъ увѣреніямъ, что народъ валомъ валитъ изъ Россіи на Амуръ, утверждаетъ, что добровольныхъ переселенцевъ до сихъ поръ *никого не было*. Какъ ни неожиданно подобное утвержденіе, но ему нельзя не повѣрить уже и потому, что Иркутская газета, прежде говорившая о множествѣ переселенцевъ, сама тоже созналась, что добровольныхъ переселенцевъ дѣйствительно *никого не было*, но что они *непремѣнно будутъ*.... И то хорошо, разумѣется; но теперь дѣло не о будущемъ, дѣло въ томъ, что теперь нѣтъ переселенцевъ. Были охотники въ 1855 году; но послѣ ихъ не нашлось, несмотря на всѣ вызовы и льготы. Г. Завалишинъ самъ удивляется этому и спрашиваетъ: «кажется, давно ли было, что Амуръ составлялъ идеалъ стремленій всего здѣшняго населенія, и когда ничего не требовали, никакихъ льготъ, кромѣ дозволенія, хотя бы безмолвнаго, — хотя бы только непрепятствованія переселяться туда? Какъ же это случилось, что въ такой короткій промежутокъ дѣло повернулось такъ, что переселеніе на Амуръ, въ повсемѣстномъ почти убѣжденіи сдѣлалось непривлекательнымъ?..» И въ отвѣтъ на эти вопросы онъ рассказываетъ слѣдующую простую исторію (Вѣст. Пром. № 10, стр. 69 — 71).

«Добровольныхъ переселенцевъ, 1855 года, сплавили на устье Амура, сказавъ имъ, что ихъ поселятъ близко; въ надеждѣ на это, зажиточные взяли съ собою много хлѣба и другихъ хозяйственныхъ предметовъ, и пригнали много скота, какъ *вдругъ имъ объявили, что они могутъ взять только небольшое, определенное количество всего*. Такимъ образомъ, тотъ, кто не имѣлъ провожавшихъ его родныхъ или знакомыхъ, съ кѣмъ могъ бы отослать излишнее, — чего не позволяли взять, бросили даромъ, или продали за безцѣнокъ купцамъ, особенно скотъ (по причинѣ страшной дороговизны прокорма, около Шилкинскаго за-

вода); а тѣ, разумѣется, перепродали, при случаѣ, и даже въ казну, съ огромнымъ барышномъ. И вышло то, что этотъ образъ дѣйствія до- ставилъ выгоду, конечно, однимъ спекулянтамъ—купцамъ, а на *пересе- ленцевъ пали всѣ невыгоды*. Надо сказать, что *такія же точно послѣд- ствія имѣли и всѣ другія распоряженія, предпринятые будто бы для пользы края и улучшенія участи низшаго класса*. Оттого-то онъ и не- довѣрчивъ къ подобнымъ общаніямъ, и ничто его такъ не пугаетъ, какъ перемѣны, о которыхъ говорятъ ему, что для него онъ къ луч- шему. Настоящее положеніе добровольныхъ поселенцевъ на устьѣ Аму- ра вотъ каково: можетъ быть, что они раздѣзжаются зимою съ коло- кольчиками и бубенчиками, да въ этомъ ли дѣло и желательный успѣхъ? На четвертый годъ пребыванія своего на мѣстѣ, они не довели хлѣбо- папшества до одной еще десятины на ревизскую душу, оставались до- лѣ двухъ лѣтъ на казенномъ продовольствіи, и задолжали въ казну. *Вотъ и говорятъ теперь, что они люты, что нужны мѣры строгости;* но извѣстно, что это средство — рѣшительно бесполезно.

«Разумѣется, что послѣ этого нельзя было ожидать болѣе до бро- вольныхъ переселенцевъ, особенно, когда и послѣднія извѣстія отъ вы- ходившихъ съ Амура не были въ пользу переселенія. Какъ о характе- ристическомъ явленіи, упомянемъ о томъ, что нѣкоторые отставные ниж- ніе чины, иные семейные, *вышли оттуда*; а какъ бы казалось, не остаться на томъ привольѣ, которое, какъ увѣраютъ, существуетъ тамъ для нихъ, особенно когда уже разъ были на мѣстѣ?

«Между козаками также не нашлось добровольныхъ переселенцевъ; вотъ и стали переселять козаковъ — конныхъ по наряду и выбору, пѣ- шихъ — по жребію. Были, правда, между козаками, такъ называемые добровольно будто бы идущіе за другихъ; но это были только скры- тый наемъ. *Такъ какъ открытый наемъ не допускался, то наемники обз- являлись, что идетъ за такого-то добровольно*. Но и тутъ, несмотря на то, что брали иногда огромную плату, эти наемщики были преимуще- ственно изъ такихъ, которымъ или не при чемъ было оставаться, или семья раздѣлялась такъ, что ни отправляющейся, ни остающейся части хозяйствовать было невозможно, или, наконецъ, ихъ побуждала край- няя нужда въ деньгахъ. Что же касается до добровольныхъ изъ дру- гаго званія, въ небольшемъ числѣ (изъ разформированнаго гарнизон- наго полубаталіона), то это *исключительные случаи, объясняемые поло- жениемъ, въ какомъ они находились*.

«Предполагаютъ еще одно средство: приглашать на Амуръ съ без- выгодныхъ или менѣ выгодныхъ мѣстъ. Но, во первыхъ, гдѣ нѣтъ естественнаго, добровольнаго предпочтенія, тамъ всѣ приманки льготами, вспоможеніями отъ театровъ, концертовъ и пр. искусственныя средства — капля въ морѣ; во вторыхъ, по нашему убѣжденію, это очень вредно для будущаго, когда все же, рано или поздно, придется опять заселять и эти мѣста: вѣдь нельзя же, ради неимѣнія—къмъ за- селить одно мѣсто, превращать другія промежуточные въ пустыни, да еще искусственными средствами. Хорошо и то, что люди сами живутъ тутъ и хотятъ жить, потому что, какъ бы худо мѣсто ни было, но кто

прижился на немъ, тѣхъ удержать болѣе причинъ и легче, нежели водворять новыхъ.

«Наконецъ, чтобы найти благовидный предлогъ выселить кого нибудь на Амуръ, не выказывая прямого насилія, прибѣгаютъ къ выселенію разбросанныхъ между государственными крестьянами чрезполосно козаковъ, подъ предлогомъ уничтоженія чрезполосности и сокращенія разстоянія. Но зачѣмъ же не сдѣлали этого при образованіи войска? и за что эти люди будутъ отвѣчать за чужія ошибки? Мы давно, еще съ 1834 г., настойчиво обращали на это вниманіе. При обращеніи горныхъ крестьянъ въ пѣшіе козаки былъ самый благопріятный случай сдѣлать размѣнъ съ общими государственными крестьянами, какъ для уничтоженія чрезполосности, такъ и для сокращенія протяженія въ предѣлы соразмѣрности, чтобы содѣлать возможнымъ доброе управленіе; а то десятый батальонъ, въ одну линію, протянуть слишкомъ на 300 вер. Тогда не сдѣлали этого, по доводамъ неосновательнымъ, а теперь выселяютъ для этого цѣлыя селенія!»

Такимъ образомъ и принудительныя переселенія были очень слабы, и только разстроивали экономію тѣхъ мѣстъ, откуда выселялся народъ. У козаковъ, которыхъ стали переселять по жеребью, первымъ слѣдствіемъ этого была небрежность обработки своей земли и весьма естественное стараніе заблаговременно сократить свое хозяйство. А между тѣмъ новымъ переселенцамъ ѣсть было нечего. Въ 1857 г., хотѣли переселить на Амуръ цѣлую пѣшую козачью бригаду; 500 семействъ было переселено; но затѣмъ переселеніе вдругъ остановилось, по увѣренію корреспондента «С.-пб. Вѣдомостей» — *вслѣдствіе неопредѣленности нашихъ отношеній къ Китаю*. Но переселеніе началось раньше, чѣмъ получено извѣстіе о заключеніи айгунскаго трактата; когда же отношенія были болѣе неопредѣленны, — до трактата или послѣ его?... Настоящая причина остановки переселенія 3,500 семействъ, уже опредѣленныхъ жребіемъ и разстроившихъ свое хозяйство, заключалась въ томъ, что *хлѣба не было*; оттого и объявили, чтобы шли только тѣ, кто можетъ идти на *своемъ содержаніи*, а прочіе могутъ оставаться. Но это объявлено было уже въ августѣ, когда здѣсь только доканчиваютъ сѣно и убираютъ хлѣбъ; подъ паръ землю парятъ и поднимаютъ залежи къ слѣдующему году гораздо ранѣе лѣтомъ, и естественно, что всѣ, назначенные жребіемъ къ переселенію, ничего этого не дѣлали.... Въ августѣ поправляться было уже нѣсколько поздно....

Участь переселенцевъ вообще была незавидна. Несмотря на увѣренія г. Романова, что «страну успѣли и умѣли обезпечить продовольствіемъ, какъ это было всегда, а служащихъ въ ней — теплымъ и удобнымъ помѣщеніемъ», — оказывается, что и продовольствіе, и помѣщенія были въ положеніи весьма печальномъ. Смертность

была очень велика: много козаковъ погибло на сплавокѣ 1857 года, много другихъ—при приготовленіи къ ней, когда, по немѣнѣю хотѣ бы временной казармы при амурскихъ магазинахъ, на Ингодѣ, люди жили въ землянкахъ, и больные не вмѣщались въ занимаемыхъ подъ лазареты домахъ. Хотя всѣ отряды едва ли доходили до 500 человѣкъ, число больныхъ доходило до 100, а смертность въ мѣсяцъ — до 15 человѣкъ (Мор. Сб. № 7, стр. 52). Относительно помѣщеній для поселенцевъ г. Завалишинъ рѣшительно несогласенъ съ отрядными извѣстіями, которыя сообщались въ газетахъ. Писали, что въ Благовѣщенскѣ строится церковь, построено нѣсколько десятковъ домовъ; г. Завалишинъ увѣряетъ, что церковь не строится, а развѣ только-что, можетъ быть, заложена; дома же въ сущности — не что иное какъ «мазанки въ одинъ плетень, поздно обмазанныя и потому зимою сырыя и холодныя, — отчего болѣзни и ихъ послѣдствія.» Писали, что на Амурѣ станицы строятся; г. Завалишинъ говоритъ, что дѣйствительно строятся, но уже и переносятся на другія мѣста, не успѣвъ отстроиться; планы, судя по рисунку, — однообразны и неудобны (Мор. Сбор. № 5 и 7). Вообще хозяйственныя распоряженія въ томъ краѣ характеризуются, между прочимъ, слѣдующими эпизодами, рассказанными г. Завалишинымъ.

«Мы остановились на причинахъ разстройства хозяйства, особенно у козаковъ. Первое отягощеніе составили штабныя постройки. Пржеііе козаки имѣли значительный капиталъ, который преимущественно и поглощенъ постройками. Ихъ предназначено было окончить въ три года, и аргументъ, который тогда приводили въ причину такой поспѣшности, такъ страненъ, что не знаешь, что и думать. Чтобы понять, во что обошлась дѣйствительная стоимость этихъ построекъ, достаточно сказать, что чиновникъ особыхъ порученій — при мнѣ докладывалъ, что за бревно, за которое казна платила 15 коп., давали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по нѣсколько пудовъ хлѣба, стоявшаго тогда въ дорогой цѣнѣ; въ другихъ возили бревно по нѣскольку десятковъ верстъ, и оно обходилось по 1 р. 50 к. с. и дороже; къ тому же всѣ переезды, неизбѣжныя при торопливомъ, ошибочномъ и неискусномъ веденіи работъ, разумѣется не входили въ смѣту.

«Несмотря на такую торопливость и такіе убытки козакамъ, постройки эти не достигли вполнѣ цѣли (такъ напр. въ госпиталѣ 2-й бригады нельзя было держать зимою больныхъ) и оставлены недоконченными; слѣдовательно оказались не такъ необходимыми, какъ говорили, по меньшей мѣрѣ — не такъ къ спѣху. Нынѣ одинъ изъ нихъ, какъ штабъ 4-го батальона и госпиталь 1-й бригады, истреблены огнемъ; другія, какъ 12-го батальона, сплавлены на Амуръ, чтобы извлечь изъ нихъ какую нибудь пользу; предполагалось слѣлать то же и со всѣми знаніями штаба 2-й бригады.» (Морск. Сборн. № 7, стр. 64.)

«Остается разсмотрѣть обычныя жалобы на недостатки будто бы

средствъ. Но если разсмотрѣть всѣ средства, — и гласныя, и негласныя, — то окажется, что средства были огромныя. Путь реквизицій, раскладокъ, нарядовъ, произвольныхъ цѣнъ за продукты и работу, — такой скользкій и покатистый путь, что разъ вступившему на него уже нѣтъ возврата, и движеніе будетъ все ускоряться на пути къ пропасти. Г-нъ министръ внутреннихъ дѣлъ говорить, что эти средства не только разорительны для народа, но и невыгодны для казны; но кто самъ не слѣдитъ за дѣйствительными случаями, тотъ и вообразить себѣ не можетъ, во что обращается это, повидимому легкое для начальства, распоряженіе средствами въ послѣднихъ инстанціяхъ. Каково бываетъ конечное употребленіе такихъ легко добытыхъ средствъ, приведемъ два примѣра, лично нами провѣренныхъ. При провозѣ пороха нарядомъ (это еще за прогоны), здѣсь, въ мѣстѣ главнаго начальства, собирали подводы для одного транспорта по шести дней сряду, послѣ опредѣленнаго дня, не считая запрещенія отлучаться изъ селенія до того времени. Само собою разумѣется, что прогоны, платимые за нѣсколько часовъ проѣзда, не могли окупать потери нѣсколькихъ дней. И потому этотъ порохъ, стоившій казнѣ, — по расцѣнкѣ того, что она платила, — слишкомъ по двадцати рублей пудъ, вдругъ утопилъ, еще до отправления, въ Шилкинскомъ заводѣ, въ количествѣ до двухъ тысячъ пудъ. Другое обстоятельство: когда добудутъ матеріалъ, работу, провозъ, далеко ниже дѣйствительной ихъ стоимости, — говорятъ, что обошлось дешево, и потому изъ остаточныхъ суммъ даютъ награды людямъ, которымъ уже никакъ нельзя пожаловаться на скудость содержанія. Я бы почелъ это за клевету, если бы лично не слышалъ о томъ отъ самихъ, получавшихъ подобное награжденіе.» (Вѣстн. Пром. № 10, стр. 77).

Вслѣдствіе всѣхъ фактовъ и соображеній, представленныхъ г. Завалишинымъ, являются слѣдующіе выводы о нашихъ прогрессахъ на Амурѣ.

1) Правильнаго сообщенія по Амуру нѣтъ еще ни лѣтомъ, ни зимою, и для желѣзной дороги нѣтъ никакихъ условій.

2) Торговли въ настоящемъ смыслѣ нѣтъ — ни русской, ни иностранной; приходъ иностранныхъ судовъ ничтоженъ.

3) Добровольнаго движенія для заселенія Амура нѣтъ.

4) Средства были, и средства огромныя; но растрочены не такъ, какъ слѣдовало, вслѣдствіе чего до сихъ поръ Россія должна была тратиться для Амура, а не Амуръ приносилъ пользу Россіи.

А окончательный выводъ изъ всего этого — прямо противоположенъ выводамъ, сдѣланнымъ г. Романовымъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Г. Романовъ говоритъ: «край развернется быстро, если будетъ идти впередъ такъ же, какъ идетъ въ настоящее время.» Г. Завалишинъ утверждаетъ, напротивъ: «край можетъ развернуться только при условіи — если переменить путь, по которому до сихъ поръ

или; иначе эта быстрота только пособитъ быстрѣе скатиться въ пропасть» (Вѣст. Пром., стр. 83).

Таковы два противоположныя возрѣнія на существующее значеніе нашихъ поселеній на Амурѣ и нашихъ дѣйствій въ этомъ краѣ. Мы представляемъ ихъ читателямъ не съ тѣмъ, чтобы бросить тѣнь на самое приобрѣтеніе Амура. Вовсе нѣтъ: приобрѣтеніе останется приобрѣтеніемъ и будетъ имѣть свою историческую цѣну. Но всякій согласится, что главное дѣло не въ самыхъ земляхъ, а въ томъ, чтобы ими воспользоваться. И въ этомъ-то отношеніи важно всякое указаніе сдѣланныхъ ошибокъ, всякое добросовѣстное разрушеніе несбыточныхъ надеждъ и преувеличенныхъ восторговъ... Можетъ быть, самъ г. Завалишинъ ошибается въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и даже иногда преувеличиваетъ дѣло; но намъ кажется, что въ вопросахъ подобнаго рода, какъ вопросъ о заселеніи и значеніи Амура, гораздо лучше преувеличенная осторожность, нежели преувеличенная довѣрчивость. Притомъ для людей, знакомыхъ съ общимъ порядкомъ дѣлъ въ нашемъ любезномъ отечествѣ, — не можетъ быть ничего особенно страшнаго и непонятнаго въ разсказахъ г. Завалишина. Очень нерѣдко мы видимъ, какъ частныя корыстные разсчеты, небрежность, невѣжество или недобросовѣстность обращаютъ въ ничто и даже дѣлаютъ вредными самыя полезныя начинанія. Въ прошломъ мѣсяцѣ мы говорили о томъ, что производила, въ теченіе многихъ лѣтъ, неудовлетворительная администрація на Кавказѣ. Теперь намъ представился случай заговорить объ Амурѣ, и тутъ мы нашли печатно-оглашенные свѣдѣнія о разныхъ распоряженіяхъ низшей администраціи, вредныхъ для развитія края.... Какъ и чѣмъ это поправить, и когда это можетъ быть поправлено, — мы не можемъ ничего сказать. Замѣтимъ только, что мы вовсе не хотимъ обвинять отдѣльныя лица и сваливать все на ихъ личные недостатки; это было бы съ нашей стороны очень опрометчиво. Мы очень хорошо понимаемъ, что гдѣ тотъ или другой недостатокъ восходитъ на степень общаго явленія, тамъ нужно искать причинъ его уже не въ свойствахъ того или другого лица, а гораздо глубже, — въ самомъ общественномъ порядкѣ....

Скажемъ, въ заключеніе, что г. Маакъ общается, въ предисловіи къ своей книгѣ, отправиться вскорѣ во вторую экспедицію на Амуръ. Точность и добросовѣстность его нынѣшнихъ замѣтокъ впускаютъ къ нему довѣріе, и мы не можемъ не пожелать, чтобы онъ теперь былъ самостоятельнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, нежели въ первую экспедицію: тогда онъ, можетъ быть, представитъ намъ довольно обстоятельную и точную картину края и разрѣшитъ хоть отчасти ту

путаницу, которая до сихъ поръ существуетъ у насъ въ свѣдѣніяхъ о нашемъ положеніи на Амурѣ.

Сочиненія князя Александра Ивановича Долгорукаго, въ прозѣ и стихахъ. Съ портретомъ автора. Въ трехъ частяхъ. Москва. 1859.

Встрѣчаясь съ авторами, подобными князю А. И. Долгорукому, критика обыкновенно считаетъ долгомъ прочесть имъ поученіе о томъ, что не имѣя поэтическаго дарованія, не нужно тратить трудовъ и времени на вялые стихи и плохіе рассказы, что нужно заниматься дѣломъ, посвящать себя общественной пользѣ, и пр. Говоря вообще, такое поученіе совершенно справедливо и основательно; но нельзя дѣлать ему слишкомъ обширнаго примѣненія въ нашемъ обществѣ, гдѣ человѣкъ пишущій иногда и за то ужъ заслуживаетъ похвалы, что чего нибудь другаго не дѣлаетъ. Вотъ, напр., князь А. И. Долгорукій: если о немъ судить съ отвлеченно-литературной точки, то все его произведенія, и его самого, какъ автора, надо осудить безпощадно. Въ самомъ дѣлѣ, — ни малѣйшаго проблеска литературнаго таланта невозможно примѣтить въ десяткѣ его повѣстей и въ нѣсколькихъ десяткахъ стихотвореній, составляющихъ три тома сочиненій князя А. И. Долгорукаго. Если судить строго, то надо будетъ прибавить, что и избыткомъ ума нельзя попрекнуть все его творенія. Въ стихахъ большею частію — или развивается мораль, заимствованная изъ прописей, или дѣлаются тонкіе намеки на женскій полъ, и на то, что мы, дескать, «*пожурировали жизнь*»... Повѣсти почти все — содержанія нѣсколько скандальнаго и водевильнаго. Такъ въ одной — почтенный мужъ учитъ своего пріятеля соблазнить какую-то женщину, которая потомъ оказывается его женой. Въ другой — удалой полковникъ хвалится передъ молодымъ офицеромъ, что онъ его отецъ; тотъ вызываетъ его и убиваетъ, мстя за клевету; а вслѣдъ затѣмъ получаетъ отъ матери письмо, въ которомъ объясняется, что хвастовство полковника имѣло вполне-справедливое основаніе. Въ третьей — какая-то барыня влюбляется въ гувернера-француза и удалается съ нимъ ежедневно — показывать китайскія тѣни сыну; мужъ ея, по наущенію князя Лельскаго, отвергнутаго любовника его жены, отправляется въ комнату китайскихъ тѣней, съ потайнымъ фонаремъ, чтобы подшутить надъ женою. Но — «князь отворилъ дверь открытъ фонарь, — и что же представилось ихъ взорамъ? Виѣсто обѣщанныхъ чудесъ, зрѣлище самое обыкновенное, которое мы бы ничего бы не стоило передать вамъ, благосклонный читатель, но,

право не знаю почему, Андрей Андреичъ Рюмскій (т. е. мужъ) просилъ меня убѣдительно, этого не рассказывать.» Такъ заключаетъ князь А. И. Долгорукой свою повѣсть, и въ этомъ заключеніи можно видѣть даже и образчикъ его изящнаго слова и тончайшаго остроумія.

Въ образчикъ стихотвореній приведемъ, пожалуй, одно, которое можетъ дать понятіе и о версификаціи, и о философіи автора. Называется оно: «Человѣкъ».

Ахъ, право, жалокъ человѣкъ!
 До гробовой доски страдаетъ,
 Въ потемкахъ бродить пѣлый вѣкъ,
 Изъ ямы въ яму попадаетъ.
 Несчастный рабъ своихъ страстей, —
 Преграды нѣтъ его желаньямъ,
 И тьму лукавыхъ онъ сѣтей
 Плететъ съ безплоднымъ упованьемъ!
 Что нынѣ нравится ему,
 Въ чемъ жизни счастье находить, —
 Смѣется завтра онъ тому,
 И такъ всю жизнь свою проводитъ.
 Къ чему жъ гордится онъ собою,
 Всего быть выше здѣсь мечтаетъ,
 Когда съ превратною судьбой
 Онъ состязаться не дерзаетъ?
 Когда не властенъ въ чувствахъ онъ
 И страсти въ немъ сильнѣе власти,
 Когда отраднѣйшій мигъ лишь сонъ,
 А прочнаго — одинъ напасти!...

Какъ видите, стихотвореніе не отличается ни поэтическими красотами, ни особенною глубиною или новостью мыслей. И всѣ три тома сочиненій кн. А. И. Долгорукаго доказываютъ, что автору по плечу только такія идеи, и такой стихъ — не болѣе.... Стихотворенія альбомныя, надгробныя, посланія и т. п. также отличаются рутинною, всегда безцвѣтною, а подъ часъ и пошловатою любезностію и болтливостію, даже безъ всякаго остроумія. Стихотворенія о жуировкѣ и женщинахъ тоже не выходятъ изъ того тона, который принято называть гвардейскимъ: онъ вертится на рогахъ мужей и намекахъ на тайныя желанія и на сокрытыя женскія прелести; высшей точки остроты и игривости достигаетъ онъ въ заглавіи одной повѣсти князя Александра Ивановича Долгорукаго: «Дыра на бабушкиной юбкѣ». (Часть III, стр. 59).... Житейскія правила въ стихахъ кн. А. И. Долгорукаго преподаются въ такомъ родѣ:

Вся сила въ томъ, чтобъ не страшиться
 Всѣмъ говорить: «люблю!» смѣлѣй;
 Здѣсь дѣло мастера боится,
 И чѣмъ смѣлѣе, тѣмъ вѣрнѣй....

Или совѣтъ женщинѣ, выходящей замужъ:

Вы въ нѣгѣ счастливой любви
 Повязку съ глазъ подъ часъ снимайте;
 Страсть къ бабочкамъ у насъ въ крови:
 Вы мужу воли не давайте!...

А то и еще лучше,—вотъ два куплета изъ стихотворенія: «*Не должно вѣрить никому*». (Ч. III, стр. 24).

Мужикъ, — и тотъ здѣсь господина
 Оброкомъ хочетъ оплести;
 И право, если бѣ не дубина,
 Пришлось бы по міру идти....
 Съ поклономъ нищій васъ встрѣчаетъ,
 Три дня, бѣдняжка, онъ не ѣлъ,
 Онъ грошъ съ слезами принимаетъ,
 Тогда какъ рубль пропитъ успѣлъ....

Русская литература ничего не потеряла бы, если бы въ ней такихъ стихковъ не было, и, говоря абсолютно, князь А. И. Долгорукий конечно лучше бы сдѣлалъ, если бы не писалъ своихъ сочиненій. Все это совершенно справедливо; этого даже и доказывать не нужно, какъ видитъ каждый изъ читателей по приведеннымъ нами отрывкамъ. Но бываютъ случаи и положенія, въ которыхъ абсолютныя сужденія надобно принимать почти совершенно наоборотъ. Чтобы пояснить, какъ это возможно, мы просимъ читателей припомнить басню Крылова о томъ, какъ

Какой-то въ древности вельможа,
 Съ богато-убраннаго ложа
 Отправился въ страну, гдѣ царствуетъ Плутонъ;

какъ его назначили въ рай за то собственно,—

Что самъ онъ областью не правилъ
 А всѣ дѣла секретарю оставилъ,—

и какъ Меркурію, отвергавшему справедливость такого назначенія, объясняли его совершенную законность, говоря:

Что, если бы съ такою властью
 Взялся онъ за дѣла, къ несчастью?... и проч.

Басня эта именно научаетъ тому, какъ часто практическая польза бываетъ несогласна съ отвлеченною справедливостію. Подобное несогласіе бываетъ не только въ царствѣ Плутона, но и въ нашемъ современномъ обществѣ, а слѣдовательно и въ литературѣ. И, смотря на литературу съ общественной точки зрѣнія и принимая въ соображеніе разныя обстоятельства, бывшія и могшія быть,—мы остаемся очень довольны тѣмъ, что князь А. И. Долгорукій сочинилъ три тома повѣстей и стиховъ. Подвергать его строгой и язвительной критикѣ мы никакъ не намѣрены. А чтобы читатели яснѣе видѣли причины такого обращенія нашего съ княземъ А. И. Долгорукимъ, мы должны изложить о немъ нѣкоторыя біографическія подробности, найденныя нами въ его стихотвореніи: «Я».

Мы узнаемъ изъ этого стихотворенія, что князь Александръ Ивановичъ—сынъ князя Ивана Михайловича Долгорукаго, извѣстнаго автора стихотвореній: «Парфену,» «Везетъ,» «Авось» и пр. Находимъ здѣсь и признаніе, что «лира звучная отца» досталась въ наслѣдство и достояніе сыну; только съ этимъ не можемъ вполне согласиться: сочиненія князя-сына составляютъ большой шагъ назадъ отъ стихотвореній князя-отца, у котораго по мѣстамъ дѣйствительно были проблески остроумія, свѣтлыхъ мыслей и даже теплаго чувства. Но это въ сторону: литературная параллель князя Александра Ивановича Долгорукаго съ кѣмъ бы то ни было изъ извѣстныхъ сочинителей не можетъ повести ни къ чему хорошему—для князя. Пойдемъ далѣе. Изъ стихотворенія «Я» видно, что автору его теперь уже лѣтъ около семидесяти: онъ говоритъ, что пять лѣтъ учился въ Геттингенѣ, потомъ служилъ у какого-то министра,

Не отставая отъ другихъ
Усердной службой отличался;
Но вышло не пайдя своихъ,
Съ чернильной жизнью распрощался,
Перо на саблю промѣнялъ
(Возсталъ французъ на Русь святую).

Итакъ князю А. И. Долгорукому было уже лѣтъ 25 въ 1812 году! Слѣдовательно, его полное развитіе совершилось прежде, нежели явился у насъ Пушкинъ, не говоря о Гоголѣ и Бѣлинскомъ. Онъ могъ воспитаться только на «звучной лирѣ своего отца,» да на лирахъ Державина, Хераскова, Нелединскаго, и т. п. Стало быть, уже по этому одному разсматривать творенія князя А. И. Долгорукова съ современно-литературной точки было бы крайне несправедливо, хотя многія изъ нихъ и писаны въ настоящее время, когда, и пр. Въ одной изъ повѣстей автора упоминается даже о взятіи Шамиля; но это ни-

чего не значить. Все-таки по своему взгляду и убѣжденіямъ князь А. И. Долгорукій принадлежитъ, какъ самъ онъ выражается, *своему вѣку*, когда люди —

И веселились, и любили,
И чувствъ своихъ, и юный вѣкъ
Въ суровой мысли не губили, —

т. е. отлично умѣли мѣшать самое игривое препровожденіе времени съ прописною нравственностью, какъ видѣли мы въ сочиненіяхъ самого князя А. И. Долгорукаго. Такимъ образомъ очевидно, что по своему воспитанію и воззрѣніямъ онъ принадлежитъ еще къ числу

Сихъ остальныхъ изъ стаи шумной
Екатерининскихъ писаекъ....

Онъ можетъ въ литературѣ нашей найти себѣ ровесниковъ развѣ въ г. Федорѣ Глинки и г. Николаѣ Гречѣ, — (такъ какъ г. Булгаринъ ужь умеръ) и вообще можетъ помѣряться годами съ маститѣйшими старцами нашего времени.... Вообразите же, что могъ бы совершить въ свою долгую жизнь этотъ старецъ, если бы вздумалъ подражать О. Булгарину или кому другому изъ подобныхъ маститыхъ старцевъ. А что онъ могъ бы съ большимъ успѣхомъ подражать имъ, въ этомъ онъ самъ удостовѣряетъ насъ: онъ говоритъ, что онъ не глупѣй другихъ и могъ бы не хуже кого другаго идти даже по службѣ: —

И словомъ, многимъ въ образецъ,
Я могъ поставленъ быть по службѣ, —
Что знаю дѣло, не глупецъ,
И даже, такъ сказать, по нуждѣ
И самъ бы могъ министромъ быть....

Видите, куда хватилъ князь А. И. Долгорукій! А впрочемъ, какое же мы имѣемъ право сомнѣваться въ его словахъ?... Особенно же вспомнимъ, что его слова относятся не къ настоящему времени, когда, говоря словами нашего знаменитаго политико-эконома, г. Бабста, «уваженіе къ общественному мнѣнію вездѣ заставляеть невольнo выбирать въ государственные дѣятели людей, пользующихся извѣстностью и специально знакомыхъ съ частью государственнаго управленія, въ челѣ которой ихъ ставятъ» (Путев. Письм. стр. 17)... Теперь конечно слова князя А. И. Долгорукаго должны казаться произвольною гиперболою; но вѣдь слова эти, какъ и самая карьера князя, относятся къ тому времени, когда гласность и общественное мнѣніе были не столь сильны, какъ нынѣ, — когда специальности для

высшихъ должностей не требовалось, когда Державинъ и Дмитріевъ были министрами юстиціи, и, — говорятъ, — даже хорошими министрами. Въ то время и князь А. И. Долгорукій могъ бы многого добиться.... Но онъ самъ не захотѣлъ этого, и посвятилъ себя — развлеченіямъ съ прекраснымъ поломъ и литературѣ.... Онъ говоритъ:

Отъ горькой участи вельможъ
Пусть насъ избавитъ провидѣнье!
Ихъ раболѣпныхъ, гордыхъ рождъ (!)
Боюсь я даже въ сновидѣньи!
Что ихъ величье? Пустоцвѣтъ!
Отъ нихъ плода, друзья, не ждите!
Доколь принадлежитъ намъ свѣтъ,
Играйте, смѣйтесь и шутите!...

Вслѣдствіе такихъ убѣжденій и наклонностей, и еще вслѣдствіе того, что любилъ *рѣзать правду*, князь А. И. Долгорукій и не попалъ въ министры и вельможи, а, прослуживъ шестнадцать лѣтъ опять у министра послѣ кампаніи 1815 года, все-таки *не нашелъ своихъ выгодъ* и вышелъ въ отставку въ чинѣ восьмага класса. Онъ замѣчаетъ даже, что ему, вѣрно, суждено и «скончаться въ восьмомъ классѣ, сыскавъ мѣстечко на Парнассѣ....»

Теперь, — надѣмся, — уже очень понятно, почему мы одобряемъ усердіе князя А. И. Долгорукаго къ литературѣ. Какъ бы плохо онъ ни писалъ, какъ бы его стихи ни были бездарны, а повѣсти пошлы, — но вѣдь онъ ими никому особеннаго вреда не причиняетъ. Ими онъ становится на ряду съ такими безвредными господами, какъ г. Воскресенскій, г. Рафаилъ Зотовъ, князь Григорій Кугушевъ, и т. п. Все, что есть *несообразнаго* въ его головѣ и сердцѣ, все это высказывается печатно, подлежитъ литературному обсужденію и, главное, все это ни для кого не обязательно. Но представьте себѣ, что князь А. И. Долгорукій все время свое и способности употребляетъ на общественную дѣятельность: что бы вышло?... Мы видѣли отчасти его понятія: онъ жалуется, что крестьянинъ неисправно оброкъ платитъ и что *если бы не дубина*, то помѣщику пришлось бы по міру идти; онъ видитъ въ нищемъ не болѣе, какъ человѣка спившагося съ кругу; онъ служитъ для того, чтобы *найти въ службѣ свои выгоды*.... Если разберемъ всю его философію, сказавшуюся въ его стихотвореніяхъ, то увидимъ, что теоретическія ея основанія — покорность провидѣнью, смиреніе кичливаго ума, воздержаніе отъ всякихъ самостоятельныхъ порывовъ, а практическія правила — умѣнье жуировать и съ чистою совѣстью наслаждаться пирами и любовью, помышляя въ то же время, что все — прахъ и суета.... Что, въ самомъ

дѣлѣ, если бы съ такими эпикурейски-мистическими наклонностями, князь А. И. Долгорукій продолжалъ свою служебную карьеру и вмѣсто плохаго стихотворца сдѣлался бы плохимъ сановникомъ? А потомъ, —

Что, если бы съ такою властью
Взялся онъ за дѣла, къ несчастью?.. и пр.

Нѣтъ, пусть говорятъ, что хотятъ, литературные пуристы, строгіе поклонники теоріи искусства для искусства; — но мы не можемъ осудить почтеннаго старца за его пристрастіе къ литературнымъ занятіямъ.... Мы не скажемъ ему стереотипнаго приговора записныхъ критиковъ: «лучше бы ему не писать своихъ произведеній; а если ужъ написалъ, то лучше бы *оставить въ своемъ портфель....*» Нѣтъ, — пусть его пишетъ, пусть издаетъ, пусть утѣшается, видя имя свое напечатаннымъ на заглавномъ листѣ книги, пусть упивается похвалами друзей.... Все это безвредно, невинно.... мы готовы даже сказать: похвально и полезно, — вспоминая, какъ много у насъ представляется человѣку возможностей дѣлать зло, просто отъ-нечего дѣлать. Оцѣнимъ то, что князь А. И. Долгорукій могъ, но не хотѣлъ добиться блестящей карьеры, и оставимъ другимъ поражать его стрѣлами литературной критики. Не станемъ горячиться противъ наводненія литературы подобными твореніями; не будемъ совѣтовать авторамъ, въ родѣ князя А. И. Долгорукаго, бросить лиру и посвятить свое время и трудъ на что нибудь другое. Напротивъ, пожелаемъ для пользы нашего отечества, чтобы примѣръ князя А. И. Долгорукаго вызвалъ подражаніе во многихъ нашихъ общественныхъ дѣятеляхъ и чтобы они, переставъ упорно искать выгодъ на службѣ, посветили все брѣнное существо свое мирному служенію музамъ.

Шиллеръ въ переводѣ русскихъ писателей, изданный подъ редакцію Ник. Вас. Гербеля. Томы V, VI и VII. Спб. 1859.

Мы уже не разъ говорили объ изданіи г. Гербеля, отдавая полную справедливость его аккуратности и изяществу. Въ вышедшихъ въ послѣднее время томахъ помѣщены: въ пятомъ — «Заговоръ Фіеско въ Генуѣ», въ переводѣ г. Гербеля (проза) и «Марія Стюартъ», въ переводѣ А. А. Шишкова 2-го; въ VI-мъ — «Трилогія Валленштейна», въ переводѣ Л. А. Мея («Прологъ» и «Лагерь»), В. А. Лялина («Пикколомини») и А. А. Шишкова 2-го («Смерть Валленштейна»); въ VII-мъ — «Орлеанская дѣва», въ переводѣ Жуковского, и «Коварство и Любовь», въ переводѣ М. Л. Михайлова (проза). О

большей части этихъ переводовъ распространяться не нужно: переводъ Жуковского всѣмъ извѣстенъ; гг. Мей и Михайловъ, давно извѣстны, какъ очень талантливые переводчики. О переводахъ Шишкова можно замѣтить, что они теперь уже нѣсколько устарѣли. Безпрестанныя повторенія *сихъ, коихъ, сколь* и пр. — непріятно поражаютъ въ драматическомъ произведеніи. Вообще стихъ Шишкова нельзя назвать естественнымъ и простымъ. Попадаются фразы, въ родѣ: «любви рукѣ я дѣлательной этимъ одолжена»; или: «облегчите жъ сердце мое, чтобъ ваше умилила я», и т. п. Но вообще говоря, переводы Шишкова могутъ еще быть читаемы даже и теперь, тѣмъ болѣе, что они сдѣланы очень добросовѣстно. Переводъ г. Лялина тоже читается, хотя и онъ не чуждъ тяжеловатости по мѣстамъ. Мы не указываемъ частныхъ отступленій и недосмотровъ переводчиковъ, потому что, не принадлежа къ числу исключительныхъ поклонниковъ Шиллера, не знаемъ его пьесъ наизусть, а сравнивать переводъ съ подлинникомъ стихъ въ стихъ — сочли излишнимъ: на это у насъ есть довольно количество библиографовъ.... Но наше вниманіе обратили нѣкоторые пропуски и уклоненія отъ подлинника, сдѣланныя въ «Фіеско». Уклоненія эти тѣмъ болѣе удивили насъ, что пьеса написана и переведена прозой, слѣдовательно, повидимому, не представляла никакихъ затрудненій въ переводѣ.... Но вѣрно нашъ языкъ еще не выработался до того, чтобы выражать нѣкоторыя мысли, совершенно легко и свободно выражаемыя подъ перомъ нѣмецкаго писателя. Мы отчасти понимаемъ даже и причину этого, вовсе не филологическую, а заключающуюся въ степени участія нашего общества къ литературнымъ произведеніямъ такого рода, какъ «Фіеско».... Мы впрочемъ не обратили бы вниманія и на эти отступленія, если бы отъ нихъ не пострадало до нѣкоторой степени лицо *Веррины*. У Шиллера Веррина представляетъ образъ до того цѣльный и живой, что каждая фраза его должна быть сохранена именно такъ, какъ онъ говоритъ се. Это не человѣкъ среднихъ силъ и среднихъ стремленій; онъ не можетъ ни дѣлать, ни говорить въ половину. Прямота и неуклонная безбоязненность республиканца выражаются въ каждомъ его словѣ. Поэтому не совсѣмъ ловко выходитъ, когда онъ въ переводѣ вмѣсто «тиранъ» говоритъ: «злодѣй», или вмѣсто: «ты конвульсивно содрогался при одномъ взглядѣ на корону», выражается: «тебѣ сжимало сердце малѣйшее нарушеніе правъ республики», и т. п.

Подобныя смягченія вредятъ рельефности лица гораздо болѣе, нежели кажется съ перваго раза. Стоитъ всмотрѣться въ смыслъ Шиллеровой пьесы, чтобы замѣтить, что Веррина долженъ выставиться какъ можно рѣзче, неукротимѣе, безпощаднѣе, — не только

въ дѣлѣ, но и въ каждомъ словѣ, которыхъ онъ впрочемъ не говоритъ даромъ. Его характеръ составляетъ совершенную противоположность съ Фіеско, и преслѣдуя однѣ цѣли, они расходятся именно вслѣдствіе разницы внутреннихъ побужденій. Фіеско — тоже ненавидитъ Доріевъ, угнетающихъ Геную; Веррина называетъ его тоже *den grossen Tyrannenhasser* (название, пропущенное въ переводѣ г. Гербеля). Но Фіеско чувствуетъ ненависть къ Доріамъ — именно какъ къ Доріамъ, какъ къ герцогамъ, попирающимъ, между прочимъ, его собственныя преимущества. Поэтому ненависть къ рабству не восходитъ въ его душѣ на степень ненависти ко всякому преобладанію. Онъ — человѣкъ честолюбивый, человѣкъ эгоистическій довольно въ узкихъ предѣлахъ. Оттого-то ему ничего не стоитъ носить маску такъ долго и такъ искусно, что сами друзья и единомышленники его не понимаютъ его поведенія. Замысливъ низвергнуть Доріевъ, онъ пускается въ свѣтскія развлеченія, ѣдетъ, гуляетъ, играетъ, не потому, чтобы его влекла къ тому какая нибудь страсть, а просто изъ разчета, — чтобы обмануть бдительность противниковъ. Между тѣмъ онъ обрабатываетъ тайно все дѣло возстанія: достаетъ деньги, одобреніе иностранныхъ державъ, чужеземное войско; а затѣмъ — возстановить народъ уже недолго. И вотъ, въ рѣшительную минуту онъ сбрасываетъ свою маску и приводитъ въ благоговѣнное изумленіе всю партію республиканцевъ. Онъ говоритъ имъ: «пока вы тутъ толковали, я дѣлалъ дѣло», и всѣ предъ нимъ преклоняются. Но уже въ этой спесивой претензіи, что онъ дѣлалъ дѣло, заключается начало развязки. Вслѣдъ за этимъ сознаніемъ, начинается мучить Фіеско жажда власти. Сначала онъ отвергаетъ мысль самому сѣсть на мѣсто Дорія. Его сомнѣнія разрѣшаются еще довольно свѣтло въ первомъ монологѣ, который мы можемъ привести здѣсь, какъ образчикъ перевода г. Гербеля:

«Что за волненіе въ груди моей! что за таинственный приливъ мыслей! Точно подозрительные братья, что выходятъ на черное дѣло, крадутся на цыпочкахъ и боязливо потушаютъ свои разгорѣвшіяся лица, — такъ проходятъ тайкомъ роскошныя призраки мимо души моей. Пойдите! пойдите! Дайте мнѣ посвѣтить вамъ въ лицо. Честная мысль укрѣпляетъ сердце мужчины, и геройски показываетъ себя дню. О, я знаю васъ! Это ливрея вѣчнаго лжеца. Исчезните! (*Слова молчанья; потомъ съ возрастающимъ жаромъ*). Республиканецъ Фіеско? Герцогъ Фіеско? Остерегись! — передъ тобой неисходная бездна, гдѣ стынетъ мозгъ добродѣтели, гдѣ небо граничитъ съ адомъ. Здѣсь-то спотыкались герои, — и падали герои, и міръ проклинали имена ихъ. Здѣсь-то сомнѣніе овладѣвало героями, и герои останавливались и дѣлались полубогами. (*Съ большою живостью*). Но вѣдь они мои, сердца Генуи. Вѣдь мои руки водятъ произвольно — то туда, то сюда — грозную Геную? О, какъ

лукавъ порокъ! Каждого духа тьмы заслоняетъ духомъ свѣта. Несчастное славолѣбіе! застарѣлое соперничество! Духи свѣта своими поа-
луями отняли у тебя небо, и твое чрево изрыгнуло — смерть. (*Содро-
гаюсь*) Духовъ оболащашъ ты пѣснями сирень о безсмертіи; людей зо-
вишь ты золотомъ, женищинами и жаждою власти. (*Послѣ нѣкотораго
молчанія.*) Приобрѣсть власть—*велико*; отказаться отъ нея—*божественно*.
(*Рѣшительно.*) Да погибнетъ злодѣи! Будь свободна, Генуя, а я (*пони-
зивъ голосъ*) — твой счастливѣйшій гражданинъ!»

Но приманка слишкомъ сильна, и положеніе Фіеско слишкомъ
соблазнительно для того, чтобъ имъ не воспользоваться. Второй мо-
нологъ уже наполненъ такими изворотами, такими софизмами, ко-
торые кажутся неотразимыми для Фіеско... А главное, — близость
власти такъ отуманиваетъ и разгорячаетъ его, что онъ не можетъ
долѣе воздержаться, и цѣль общая исчезаетъ для него предъ цѣлью
личною. Послѣдняя душевная борьба, предшествующая рѣшенію,
превосходно выражена у Шиллера и довольно близко передана г.
Гербелемъ. Мы приведемъ и эту страницу. Замѣтимъ только, что
напрасно г. Гербель въ нѣсколькихъ мѣстахъ выкинулъ слова Fürst
и fürsterlich, которыя Фіеско много разъ повторяетъ въ этомъ мо-
нологѣ, какъ бы желая натѣшиться ими и приучить къ нимъ слухъ
свой.

«Фіеско (*изъ своей залы, у окна; свѣтаетъ*). Что бы это значило?
Луна потухла; утро встаетъ, все въ огнѣ, изъ моря. Дикія мечты
прогнали мой сонъ. Все существо мое судорожно ухватилось за одно
ощущеніе. Мнѣ надо воздуху. (*Отворяетъ стеклянную дверь. Городъ
и море окрашены утреннею зарею. Фіеско ходитъ большими шага-
ми по комнатѣ.*) Я величайшій человекъ въ Генуѣ! — И не долж-
ны ли низшія души собраться около высшей? Но я отдаляюсь отъ
добродѣтели. (*Останавливается.*) Добродѣтель? Но избранная голова
имѣетъ иныя искушенія, чѣмъ обыкновенная; неужели-жъ ей дѣлать
съ ней и добродѣтель? Развѣ панцырь, облекающій тощее тѣло пигмея,
можетъ быть впору великану? (*Солнце восходитъ надъ Генуею.*) Этотъ
величавый городъ (*кидается къ дверямъ съ открытыми объятіями*) —
мой!... И сіять надъ нимъ, подобно царственному дню, заботиться о
немъ съ мощью монарха, всѣ кипучія страсти, всѣ несытыя желанія
потопить въ этомъ бездонномъ океанѣ? Да, если остроуміе обман-
щика и не можетъ облагородить обмана, — по крайней мѣрѣ, цѣна
облагораживаетъ обманщика. Подло вытасить кошелькъ изъ кармана,
дерзко надуть на миллионъ, но невыразимо-велико похитить власть. Стыдъ
уменьшается съ возрастаніемъ преступленія. (*Молчаніе. Потомъ значи-
тельно.*) Повиноваться? — повелѣвать? — ужасная, бездонная пропасть!
Бросьте въ нее все, что только человекъ имѣетъ драгоценнаго: ваши
побѣды завоеватели, художники — ваши безсмертныя созданья, ваше
сластолюбіе эпикурейцы, ваши моря и острова, — вы, мореходы! Пови-

новаться и повелевать: быть и не быть! Развѣ тотъ, кто перенесется черезъ страшную пропасть между послѣднимъ серафимомъ и Безконечнымъ, измѣрить этотъ полетъ? (*Торжественно.*) Стоять на той ужасной, неизмѣримой высотѣ! смотрѣть на кружащійся внизу водоворотъ человѣчества, гдѣ колесо слѣпой обманщицы коварно вертитъ судьбами! первому припадать устами къ кубку радости! управлять неукротимыми страстями народа, какъ бѣшенными конями, мягкой игрою поводовъ! Однимъ — однимъ дуновеніемъ превращать въ прахъ зазнавшуюся гордость вассала! вызывать къ жизни творческимъ жезломъ грезы своей горячки! О, эта картина возноситъ духъ выше его предѣловъ! Одна минута владычества поглотила мозгъ всего существованія. Не шумъ жизни, а ея содержаніе опредѣляетъ ей цѣну. Раздѣли громъ на простые звуки и ты станешь убаюкивать ими дѣтей; но соедини ихъ въ одинъ внезапный ударъ — и царственный звукъ потрясетъ вѣчное небо. Я рѣшился. (*Ходитъ величественно назадъ и впередъ.*)»

Таковъ Фіеско, являющійся для всѣхъ освободителемъ Генуи. Но не таковъ Веррина. Онъ состарѣлся въ республиканскихъ убѣжденіяхъ, они вошли въ плоть и кровь его; онъ ненавидитъ не Доріевъ, но людей, стоящихъ выше его, — онъ возмущается противъ цѣлаго порядка вещей, въ которыхъ возможно неправо преобладаніе однихъ надъ другими. Толчокъ его гнѣву дастъ поступокъ Джіанеттино Дорія съ его дочерью; но это только поводъ, это искра, попадающая въ порохъ. Въ собственномъ оскорбленіи онъ видитъ возможность оскорбленія цѣлой Генуи, беззащитность невинности и слабости отъ насилія власти... Онъ горько укоряетъ себя, что до сихъ поръ терпѣлъ, и признаетъ домашнее несчастье справедливой карой за свою бездѣятельность. «По дѣломъ тебѣ, трусъ Веррина», говоритъ онъ: — «когда негодай вторглся во святилище законовъ, такъ этого тебѣ было мало; надо было, чтобъ онъ вторгнулся во святилище твоей крови!...» И вслѣдъ затѣмъ весь его частный гнѣвъ переносится въ сферу дѣла общаго: онъ проклинаетъ свою дочь, въ присутствіи своихъ друзей, — чтобъ она мучилась и терзалась до тѣхъ поръ, пока не погибнетъ герцогъ Дорія, ея обольститель. «Она будетъ для меня залогомъ твоего мщенія тирану», говоритъ онъ, обращаясь къ жениху своей дочери. «Этой драгоценной нитью я связываю мои, и твои, и ваши обязанности», — прибавляетъ онъ, обращаясь ко всѣмъ друзьямъ своимъ. Но не нужно думать, что личный гнѣвъ и мщеніе имъ руководятъ; онъ идетъ на Дорія, но это потому, что именно Дорія покажется представляетъ собою въ Генуѣ неправую власть. Какъ скоро онъ замѣчаетъ, что Фіеско, освободитель Генуи, самъ стремится къ власти, — онъ идетъ и противъ Фіеско. Зорко подмѣчаетъ онъ его стремленіе въ самомъ зародышѣ, и кровавое рѣшеніе уже готово въ душѣ мрачнаго, не-

преклоннаго республиканца. Ему нѣтъ дѣла до того, что Фіеско, можетъ быть (какъ самъ по крайней мѣрѣ общается), не станеть угнетать Геную подобно Доріамъ, а будетъ о ней заботиться съ герцогскимъ величіемъ и милостью... Веррина не разбираеть, каковъ будетъ герцогъ Генуи; онъ не хочетъ никакого, и тѣмъ болѣе не хочетъ Фіеско. «Замѣтилъ ли ты вчера», говоритъ онъ Бургоньино: — «какъ Фіеско всматривался въ наше изумленіе?.. Человѣкъ, чья улыбка обманула всю Италію, станеть ли терпѣть себѣ равныхъ въ Генуѣ?... Фіеско свергнетъ тирана, — это вѣрно; Фіеско самъ будетъ опаснѣйшимъ тираномъ Генуи, — это еще вѣрнѣе». И сдѣланіемъ этихъ, глубоко-вѣрныхъ соображеній, является у Веррины приговоръ: «Фіеско долженъ умереть!»

И Веррина свято исполнилъ свое намѣреніе. Разъ только, передъ исполненіемъ своего намѣренія, онъ смягчился и даже какъ будто готовъ былъ поколебаться. Онъ вошелъ въ разсужденія съ Фіеско и даже принялся упрасивать его, чтобъ тотъ отказался отъ власти. Разумѣется, онъ долженъ былъ знать, что это бесполезно, что если бы Фіеско и сказалъ ему: да, — то не въ силахъ былъ бы исполнить своего слова. Но старпку извинительно было сдѣлать подобную, во всякомъ другомъ положеніи нѣсколько малодушную просьбу, потому что вслѣдъ за тѣмъ у него готовилась и казнь Фіеско: просьба эта была чѣмъ-то въ родѣ исповѣди, въ родѣ очищенія совѣсти передъ смертью... Послѣдній разговоръ его съ Фіеско полонъ такой энергіи, какую рѣдко представляютъ драматическія пьесы. Къ сожалѣнію, въ переводѣ г. Гербеля и здѣсь есть нѣсколько смягченій и пропусковъ. Зачѣмъ, напримѣръ, пропущено это характеристическое разсужденіе Веррины, когда онъ отвѣчаетъ на общанія Фіеско употребить герцогскую власть для благоденствія гражданъ Генуи: «моему согражданину я еще позволилъ бы сдѣлать мнѣ добро: ему надѣюсь я отблагодарить тѣмъ же. Но даръ герцога — это милость, а милости я принимаю только отъ Бога...» Подобный отвѣтъ въ своей рѣзкости весьма рельефно рисуетъ намъ закаленную въ республиканствѣ натуру стараго Веррины.

Впрочемъ, говоря вообще, переводы, издаваемые г. Гербелемъ, все-таки даютъ нашей публикѣ довольно полное понятіе о драматическихъ пьесахъ Шиллера, и мы съ удовольствіемъ узнали изъ предисловія къ VII тому, что и восьмая часть уже готова и скоро выйдетъ въ свѣтъ.

Потерянный рай. Поэма Іоанна Мильтона, съ приобщеніемъ поэмы — Возвращенный рай. Въ двухъ отдѣленіяхъ и пяти пѣсняхъ, переводъ съ прозы, въ стихахъ, *Елизаветы Жадовской*. Москва. 1859.

Изданіе чистенькое; но на это смотрѣть не должно. *Переводъ съ прозы г-жи Жадовской* — безобразнѣйшая спекуляція, какую только можно себѣ представить. Тутъ все есть — и ловкая штука, и бездарность, и прямой обманъ....

Извѣстно, что «Потерянный рай» припелся очень по вкусу нашей публикѣ. Первый переводъ его вышелъ, кажется, въ 1810 году, и съ тѣхъ поръ появлялось нѣсколько переводовъ, и, кажется, болѣе десятка изданій его. Прегніе переводы были въ прозѣ; г-жѣ Елизаветѣ Жадовской вздумалось, что поэма Мильтона будетъ имѣть у насъ еще болѣе успѣха, если переложить ее въ стихи. Кста-ти же, у насъ имя г-жи Жадовской (не этой, а Юліи) имѣетъ очень хорошую извѣстность въ литературѣ. Вотъ и принялась г-жа Елизавета Жадовская — *переводить съ прозы*, то есть перекладывать въ стихи прозаическій старый переводъ. Перевела она выдержки изъ трехъ пѣсенъ Потеряннаго Рая, (4-й, 8-й и 9-й) да одну пѣснь Возвращеннаго, да часть одной пѣсни изъ Потеряннаго перенесла въ Возвращенный, составила такимъ образомъ книжечку стиховъ въ 140 разгонистыхъ страничекъ, и издала подъ вышеписаннымъ громкимъ заглавіемъ.... А затѣмъ на оберткѣ значится: *цѣна 1 р. 65 к. сер....* И даже 65! Что, хоть бы ужъ ровно 60!

Ясно, что спекуляція рассчитана именно на то, что читатели не разберутъ, въ чемъ дѣло, и выпишутъ себѣ отрывочки г-жи Елизаветы Жадовской, въ полной увѣренности получить полный стихотворный переводъ поэмы Мильтона. Немудрено, что кое-кто и попадется на эту штуку именно потому, что обманъ ужъ слишкомъ безцеремонно слѣланъ, — и вотъ почему мы спѣшимъ предупредить читателей объ этомъ переводѣ.

О стихахъ г-жи Елизаветы Жадовской можно судить по слѣдующему обращенію къ Мильтону, которое напечатано на особой четверткѣ, въ началѣ книги, очевидно ради ея утолщенія:

Мильтонъ Божественный писатель,
Настрой мнѣ лиру самъ мою
Сердечъ и душъ очарователь,
Дай повторить мнѣ пѣснь твою:
Ее начну съ четвертой темы,
Ее, ее я пробрянчу

Дай дивный ладъ твоей поэмы
И вдохновеніе; — такъ начну.

Всѣ знаки препинанія мы оставили такъ, какъ они стоятъ въ подлинникѣ. По этому можно судить и о грамотности г-жи Елизаветы Жадовской.

Мы сказали, что г-жа Елизавета Жадовская перекладывала въ стихи русскій старый переводъ. Въ этомъ убѣдились мы, во-первыхъ потому, что содержаніе каждой пѣсни изложено почти буквально сходно съ изложеніемъ стараго перевода; а во-вторыхъ и бѣглымъ слѣченіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ. Возьмемъ хоть съ начала. Вотъ проза.

«То устремляетъ онъ (сатана) печальные взоры на вертоградъ райскій, котораго прелестный видъ открытъ предъ его глазами; то обращаетъ ихъ къ небесамъ, къ сему лучезарному свѣтилу, которое, достигнувъ до середины пути своего, блистало съ высоты своихъ блестящихъ чертоговъ.»

А вотъ стихотворный переводъ съ прозы:

И устремляетъ онъ печальный
Свой взоръ на пышный вертоградъ:
Эдемскихъ прелестей отрадой
Его томится злобный взглядъ.
Тутъ къ небесамъ онъ взоръ вращаетъ,
Гдѣ лучезарный блескъ свѣтилъ
Собой природу освѣщаетъ,
Гдѣ ихъ чертогъ блестящій былъ....

Не знаемъ, что побудило г-жу Елизавету Жадовскую выступить съ книжечкою такихъ стиховъ, да еще выступить въ такихъ навиныхъ перьяхъ; но считаемъ справедливымъ замѣтить, что ея «Потерянный рай» — есть явленіе весьма невзрачное въ русской литературѣ.

PS. Считаемъ нужнымъ оговориться, что оуждая переводъ г-жи Елизаветы Жадовской, мы вовсе не отвергаемъ пользы перевода на русскій языкъ лучшихъ произведеній иностранной поэзіи. Наши замѣчанія имѣютъ вотъ какой смыслъ: зачѣмъ г-жа Жадовская выдрала изъ поэмы Мильтона отрывки, и отрывки далеко не лучшіе, зачѣмъ перевела ихъ на плохіе стихи съ старой русской прозы, зачѣмъ перепутала даже и то, что сама выбрала, а главное — зачѣмъ свои вирши издала подъ названіемъ поэмы Мильтона «Потерянный Рай», да еще съ присовокупленіемъ Возвращеннаго?... Такъ нужно понимать наши слова, а никакъ не въ томъ смыслѣ, будто мы глумимся надъ Мильтономъ, надъ поэзіей, и утверждаемъ, что намъ никакихъ переводовъ не нужно, что намъ и того, что есть, — слишкомъ

достаточно. Нѣтъ, не за то осуждаемъ мы г-жу Елизавету Жадовскую, что она переводила Мильтона, а за то, что плохо перевела, перевела не все, что слѣдовало, а выдала такъ, что будто все ею слѣлано.

Оговорка эта слѣлана нами не для обычныхъ нашихъ читателей, а изъ предосторожности предъ московскими публицистами. Съ нами ужъ былъ въ нынѣшнемъ году такой случай. Нѣкоторые господа слѣлали съ гласностью и сатирой тоже самое, что г-жа Елизавета Жадовская произвела съ Мильтономъ, — т. е. выдрали кое-какіе отрывочки изъ давно ходившихъ въ обществѣ сужденій и анекдотовъ, перевели ихъ съ простой житейской прозы на патетическую реторику и даже поэзію съ хромыми приемами, прибавили разныя обращенія, въ родѣ обращенія г-жи Елизаветы Жадовской къ Мильтону, и пошли писать... Услужливые люди, — да и сами эти сочинители отчасти, — выдали эти плохіе отрывочки за настоящій, полный образецъ гласности и сатиры. Мы, съ свойственною намъ мягкостью и благодушіемъ, осмѣлились замѣтить, что это не совсѣмъ такъ, и предостеречь читающую публику отъ заблужденія. Московскіе публицисты, очень дорого оцѣнившіе отрывочки обличенія и гласности (чуть ли не дороже, чѣмъ переводъ г-жи Е. Жадовской), возстали на насъ цѣлымъ хоромъ, — да вѣдь какъ!... Цѣлый годъ насъ преслѣдовали за то, что мы надъ обличительной литературой глумимся и гласности не уважаемъ.... Еще недавно упрекали насъ за это, и, кажется, такъ и въ слѣдующій годъ перейдутъ, не успѣвши смекнуть, въ чѣмъ дѣло.... Но читатели видятъ, что мы не были въ этомъ случаѣ горды и скрытны; мы много разъ склонялись на объясненія съ почтенными публицистами, употребляли всѣ старанія вразумить ихъ, наконецъ даже избѣгали всего, что могло ввести ихъ въ заблужденіе. Вотъ и теперь, — мы нарочно оговорились въ нашемъ сужденіи о переводѣ г-жи Е. Жадовской, — чтобы московскіе публицисты, въ обличеніяхъ своихъ противъ насъ, не взяли къ слѣдующему году еще лишняго грѣха на душу.... Можетъ быть, и это не поможетъ; но мы по крайней мѣрѣ не будемъ считать себя виноватыми въ недоразумѣніяхъ.

Счастіе не за горами. Семейное чтеніе за вечернимъ чаемъ, или сборникъ изъ посланій къ пріятелю. Выпускъ I. Собр. и изд. Ж. Дюни.... Москва, 1859 г.

Книжечка эта назначена для дѣтей; но ее съ удовольствіемъ прочтутъ и взрослые, привыкшіе къ оптимистскимъ взглядамъ на близ-

кое будущее, которые господствуютъ въ нашей журналистикѣ, особенно московскѣ. Извѣстно, что оптимистамъ никогда не надобѣаетъ повторѣніе прекрасныхъ надеждъ и радужныхъ фантазій. А книжечка г. Ж. Донин...., какъ показываетъ самое ея заглавіе, составляетъ не что иное, какъ résumé, начало и конецъ, всей словесной дѣятельности нашихъ благонамѣренныхъ публицистовъ. Особенно къ одному оттѣнку ихъ близко подходитъ г. Ж. Донин.... Къ какому именно, — читатели сейчасъ узнаютъ по слѣдующей статейкѣ, помѣщенной въ концѣ книжечки.

НОВОСТЬ.

Сломились деп пословицы.

«Извѣстно было всякому, что «пословица во вѣкъ не сломится». Но недавно замѣчено совершенно противное. Мы живемъ въ вѣкъ чудесъ. Сломилась пословица, и еще не одна.

«Говорили на Руси въ древнія времена (не въ похвалѣбу будь сказано: да и что жъ все хвалиться? не все же встарину было безъ изьяну), говорили старики: «съ труда горбать будень, а не богатъ», — да еще приговаривали: «отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ».

«Недавно открыто, и доказано — какъ опытомъ, такъ и *a priori*, что все это совершенная ложь, и что честный, праведный трудъ есть источникъ богатства, не хуже всякаго откупа.

«Alia tempora, alii mores.»

«Слѣшимъ заявить объ этомъ предъ любителями древности: на этомъ открытіи для многихъ уже зиждется цѣлая новая система жизни, убѣжденій, чувствъ, мыслей, словъ, дѣлъ и всего на свѣтѣ, — система недурная, хотя и не древняя.»

Гдѣ же это и у кого, спрашиваете вы, — честный и праведный трудъ слѣлся источникомъ богатства (!) не хуже всякаго откупа (!!)... Вы нетерпѣливо желаете узнать хоть нѣсколькихъ человѣкъ, разбогатѣвшихъ такимъ образомъ.... И вдругъ.... о блаженство! — вамъ даютъ въ заключеніе выноски, которая гласитъ слѣдующее: (стр. 122).

«Въ слѣдующій разъ мы представимъ оправданіе этой новой системы съ примѣръ цѣлаго народа — Англіи.»

Итакъ — цѣлая страна пользуется благодѣяніями системы, обѣщающей обогащеніе отъ труда!... И эта страна — Англія!... Англія, въ которой нынѣ происходитъ такая борьба голодныхъ работниковъ за работу!!... Узнаете ли, откуда взято направленіе книжечки? Узнаете ли, какъ новыя идеи, переработанныя въ головѣ усерднаго читателя нашихъ англазированныхъ публицистовъ, примѣняются

къ воспитанію будущихъ поколѣній? Прежде говорили дѣтямъ, что добродѣтель на свѣтѣ всегда торжествуетъ, потому что ей помогаетъ — то добрый волшебникъ, то неизвѣстное существо въ образѣ цыганки, то горный духъ, и т. д. И дѣти вѣрили, и на всю жизнь оставались розинями, и давали пороку полную свободу буйствовать и господствовать надъ ними.... Теперь та же пѣсня поется на новый ладъ: говорятъ, что богатѣютъ люди отъ труда.... Дѣти и этому повѣрятъ, и будутъ кланяться богачамъ, воображая, что все это трудомъ нажито, и сами будутъ весь вѣкъ работать на другихъ, утѣшаясь примѣромъ Англіи! И многіе ли изъ нихъ додумаются до того, чтобы досказать недоговоренную въ книжечкѣ г. Донин.... и во всей нашей публицистикѣ мысль — такимъ образомъ: «Чужой трудъ, ловко эксплуатируемый человѣкомъ, дѣлается для него источникомъ богатства, не хуже откуна». А изъ тѣхъ, кто додумается; многіе ли успѣютъ изъ своего открытія извлечь для себя практически полезныя слѣдствія, которые бы не были безчестными?...